

ΜΟΝΑΧΟΒ 7.0



И НЕ ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ...



ΜΟΝΑΧΟΒ 7.0

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед тобой издание, посвященное замечательному Человеку, Ученому, Учителю, Другу и Коллеге – Сергею Юрьевичу Монахову.

Большинству знающих его людей (а их число очень велико!), он известен как прекрасный ученый, античник, историк и археолог. И это не случайно. Профессор С.Ю.Монахов, признанный специалист в области античного источниковедения, уже пятьдесят лет занимается древнегреческими тарными амфорами, им разработана и успешно внедрена типология сосудов различных центров-производителей греческой керамической тары, создана единственная в своем роде школа амфорологии. С 1970-х годов С. Ю.Монаховым была начата обработка и каталогизация амфорных коллекций музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Анапы, Ростова-на-Дону, Азова, Херсонеса, Симферополя, Феодосии, Евпатории, Ялты, Одессы, Киева и целого ряда других музеев России и Украины. За эти годы собрана уникальная картотека амфор, которая стала основой для дальнейшей работы. В его монографиях 1989, 1999 и 2003 годов, анализируется около 200 амфорных комплексов от архаики до эллинизма. Большинство материалов были введены в научный оборот впервые. Эти книги и поныне являются настольными пособиями для античных археологов и историков, они позволили реконструировать направления и динамику торговых связей античных центров Средиземноморья и Причерноморья.

В последние годы С. Ю.Монахов возглавляет научный коллектив, работающий с амфорными собраниями крупнейших музеев России. За семь лет выпущено пять монографий по коллекциям Керчи, «Херсонеса Таврического», Эрмитажа, Пушкинского музея и части коллекции Краснодарского музея. Готовится к выходу следующий том.



Однако не только археологическое источниковедение является сферой его научных интересов. Не случайно защита докторской диссертации состоялась по специальному решению ВАК по двум специальностям – «Всеобщая история» и «Археология».

На протяжении многих лет С. Ю. Монахов занимался археологическим изучением памятников Саратовской области. Усилиями его и В. И. Каца в 1978 году в Саратовском университете была открыта Археологическая лаборатория, занимавшаяся составлением, в первую очередь, «Археологической карты Саратовской области». Важность подобной работы трудно переоценить.

Но и этим не ограничивается круг его забот и интересов. Всю свою жизнь Сергей Юрьевич отдал служению Университету. И не только в качестве преподавателя, более сорока лет ведущего педагогическую деятельность и руководящего археологическим студенческими практиками – имеющими огромное значение в становлении будущего не только историка, но и человека (отметим, что именно благодаря его стараниям в Саратовском университете практика длится четыре недели, в отличие от подавляющего большинства других университетов, где они сокращены до двух недель). И не только в качестве заведующего, сохранившего независимость кафедры истории древнего мира. Но и в качестве проректора по развитию университетского комплекса, хотя он и вспоминает эти годы с сожалением из-за невозможности тогда заниматься наукой полноценно.

Но не только из работы состоит жизнь нашего юбиляра. Он охотник и рыбак, любитель плавания и велосипеда, заядлый бильярдист и самобытный кулинар. Ежегодно наш герой участвует в речных сплавах на лодках. Круг его увлечений охватывает живопись, архитектуру, литературу. Он любит путешествовать и осматривать новые места и достопримечательности...

Задумывая этот сборник, мы как раз и хотели получить образ нашего друга – Сергея Юрьевича – таким, каким он сложился у совершенно разных людей, с которыми пересекся его жизненный путь. А насколько у нас это получилось – решать тебе, дорогой Читатель!

Разумеется, первым предоставляется слово человеку, сыгравшему огромную роль в жизни нашего юбиляра. Большую часть жизни В. И. Кац и С. Ю. Монахов шли рука об руку, ваяя мир античной археологии и школу амфорологии в Саратовском университете.

В. И. Кац

Я ЗНАКОМ С СЕРГЕЕМ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА...

Когда мне предложили участвовать в этом сборнике, посвящённом юбилею Сергея Юрьевича Монахова, то я согласился сразу. Между тем, юбилеи, как свои, так и чужие, откровенно не люблю. Подобное негативное отношение к ним возникло в те годы, когда я выполнял должность заместителя декана факультета, и пару раз мне поручали выступить с приветственными словами от имени коллектива истфака на торжественных заседаниях кафедр общественных наук, где чествовали очередного юбиляра. Приходилось наскребать по сусекам весь оставшийся елей, чтобы не оскандалиться. Но в данном случае дело иное. Я знаком с Сергеем более полувека. Не только наблюдал со стороны, но и был активным участником его становления, как высококлассного специалиста. В



дальнейшем длительное время мы работали настолько тесно, что зачастую кое-кто из участников конференций, в которых мы принимали участие, нас путали, а иногда наши фамилии писали не через запятую, а через дефис.

Я не собираюсь заниматься комплиментарными оценками научной деятельности Сергея, что является достаточно типичной составляющей юбилейных торжеств. Вместе с тем, по собственному опыту знаю, что определённая магия цифр существует. Юбиляр вольно, или невольно останавливается, оглядывается

назад и самокритично оценивает пройденный путь. Ниже я попытаюсь помочь ему восстановить в памяти некоторые важные вехи в его научной биографии.

Моё знакомство с Сергеем произошло в старом здании истфака, находившемся на площади Революции. Правда, детали первой встречи в моей памяти не сохранились, но Сергей уверяет, что, когда он пришёл сдавать документы в приёмную комиссию, то встретил сбегавшего по лестнице относительно молодого человека, которого он принял за аспиранта. Он поинтересовался у него, какие дополнительные возможности имеются для поступления на дневное отделение. Ответ его разочаровал, так как была представлена официальная версия, с которой он был уже знаком. Да иного и не могло быть, так как он, не зная того, столкнулся с секретарём приёмной комиссии, обязанности которого в том году я выполнял.

Сергей, как и я в своё время, не набрал необходимого количества баллов для поступления на дневное отделение и был зачислен на вечернее. Здесь на I курсе я проводил занятия, и неподдельный интерес Монахова к древней истории не мог не заметить. После успешной сдачи им экзамена, я предложил ему поехать поработать в Тарханкутскую экспедицию. Он согласился, а я, в свою очередь, обговорил его кандидатуру с начальником экспедиции А. Н. Щегловым. Однако эта поездка по независящим от Сергея причинам оказалась крайне неудачной. Экспедиция только что начала работу, как на Украине и в Поволжье были зарегистрированы случаи заболевания холерой и введены драконовские карантинные меры. Естественно, началась паника. Экспедиция свернула работу, и Сергей вернулся несолоно хлебавши в Саратов. К этому времени уже был подготовлен приказ о переводе его на дневное отделение, чему поспособствовали не только его успехи в учёбе, но и мой административный ресурс, так как к тому времени ваш покорный слуга уже выполнял обязанности заместителя декана по вечернему и заочному обучению.

Грешен, что использовал своё служебное положение для подобной корректировки работы приёмной комиссии неоднократно. И результаты во всех случаях оказались положительными. По крайней мере, из трёх бывших вечерников, ставших в дальнейшем моими дипломниками, двое защитили кандидатские диссертации, а С. Ю. Монахов стал профессором, заведующим кафедрой и пр., пр. ...

Со следующего года на протяжении двух десятилетий при Тарханкутской экспедиции проходила археологическая практика саратовских студентов. Обычно, после её окончания до начала сентября здесь же проводил я и свой очередной отпуск, занимаясь обработкой полученного в ходе раскопок материала. Всё

свое каникулярное время в экспедиции работал и Сергей. Ему, как и его одногруппнику А. Н. Щеглову, Жене Рогову, повезло. Тарханкутская экспедиция в 70–80-е гг. прошлого века была, пожалуй, самой продвинутой античной экспедицией в Северном Причерноморье. Её создатель и руководитель А. Н. Щеглов был полевиком «от бога», а кроме того, крайне чутко относился ко всем появляющимся новациям в методике археологических исследований.

В результате, когда Сергей получал диплом об окончании университета, где было указано, что он имеет право преподавать историю в средней школе (к сожалению, в дальнейшем он этим правом не воспользовался), он мог вполне претендовать на получение документа о праве проведения археологических раскопок. Кроме того, в эти же годы мы совместно разрабатывали методику обработки массового керамического материала, получаемого в ходе раскопок. Вполне заслуженно вместе с Женой Роговым Сергей стал одним из ведущих сотрудников экспедиции.

В составе Тарханкутской экспедиции мы с Сергеем продолжали работать до самого конца её существования (до начала 90-х годов). Всякое случилось, но, пожалуй, запомнилось одно трагико-комическое происшествие. В ходе обработки на керамичке вновь поступившего материала я обнаружил разбитую пополам ножку херсонесской амфоры, где хорошо определялась последовательность операций, которые произвёл гончар при её изготовлении. Чтобы составные части ножки не затерялись, я их склеил, а когда в экспедиции появился Сергей, как раз, работавший в то время над кандидатской диссертацией, посвящённой амфорному производству Херсонеса, посоветовал ему ножку расклеить. Только вечером на третий день он вспомнил о предложении, и после очередной встречи с ленинградскими друзьями отправился на керамичку. Попытался расклеить ножку с помощью тупого ножа из нержавеющей стали, который я использовал для получения сколов с черепков. В результате ножка осталась целой, а Сергей серьёзно пропорол ножом ладонь. Оказали ему первую помощь, и он отправился отдыхать в палатку. А по экспедиции пополз слух: «Кац Монахова зарезал, ножку не поделили».

Все эти годы экспедиция функционировала как хорошо отлаженный механизм. Одновременно с ежегодным участием в её работе, по инициативе Сергея, который к тому времени уже являлся сотрудником кафедры истории древнего мира СГУ, мы совместно осваивали наиболее крупные амфорные коллекции, хранившиеся в фондах столичных и южных музеев.

Запомнилась своими экзотичными условиями работа в Эрмитаже. Тогда хранилище амфорного материала располагалось здесь под одной из парадных лестниц. При этом попасть в него было возможно только через предбанник женского туалета. В то время у меня возникла идея определить корреляцию между объёмом и весом амфор различных центров производства. После того, как Сергей заканчивал графическую фиксацию очередного сосуда, я его взвешивал, а затем транспортировал через предбанник под удивлёнными взглядами посетительниц, прихорашивавшихся перед зеркалами, мимо лестницы в расположенный с другой её стороны мужской туалет. Здесь измерял амфору с помощью мерного сосуда водой из-под крана. Затем наступал самый ответственный момент, надо было слить содержимое амфоры в ближайший унитаз. А так как некоторые сосуды вмещали более 20 литров, да и сами весили 8–10 кг, операция могла закончиться катастрофой, если бы амфора выскользнула из рук и ударилась о кафельный пол. К счастью, этого не случилось.

Запомнилась и поездка в Херсонес. Правда, не сама работа в фондах, а экскурсия на хору Херсонеса, которую мы совершили в один из выходных. Я предложил Сергею поехать на мыс Фиолент, в районе которого ещё в 20-е годы были обнаружены укрепленные сельские усадьбы. Получил от старожила Херсонеса Олега Савели справку, какой автобус нам необходим. Олег предупредил, что, надо, не доезжая до конечной остановки, выйти раньше. Без приключений познакомились с усадьбами, и вышли к самому мысу. Берег высокий и обрывистый. С него как раз начинается Главная гряда Крымских гор. Слева где-то в километре виднелись какие-то строения. Я вспомнил, что до революции в этом районе находился Георгиевский монастырь. Предложил Сергею посмотреть, что от него осталось. Однако по гребню удалось пройти всего несколько сот метров, как дорогу нам преградил высокий проволочный забор. Внизу под обрывом заметили узкую полоску пляжа, которым и решили воспользоваться.

С большим трудом удалось сползти с обрыва. Однако и здесь неудача – прошли по пляжу сотни две метров и упёрлись в скалу. Ничего не поделаешь – полезли обратно наверх. Почва рыхлая с вкраплениями вулканических бомб, осыпается под ногами. С трудом забрались на гребень, сели отдохнуть и перекурить. Увидели в стороне на полянке парочки загорающих, а далее ряд одноэтажных зданий барачного типа. Когда пошли в их сторону, то навстречу стали попадаться мужчины в военной форме. Тогда-то мы и поняли, что с тыла попали на территорию военной части.

Здравый смысл диктовал необходимость старой дорогой убраться восвояси. Но когда мы представили, что придётся вновь преодолевать опасные спуск и подъём, то желание воспользоваться этим маршрутом как-то пропало. И здесь я вспомнил, что Олег, давая справку о предстоящем нам маршруте, вскользь упомянул, что конечная остановка нашего автобуса находится на территории военной части. У меня к тому времени уже имелся опыт посещения запретных зон. В первые годы работы на Панском запретной зоной являлся посёлок Черноморское (здесь в бухте стояла пара сторожевиков). Но, когда возникала необходимость туда попасть, мы тайными тропами обходили КПП, расположенный на дороге, а обратно уже спокойно возвращались на автобусе. У выезжающих документы не проверялись.

Предложил Сергею попытаться воспользоваться этим вариантом. Остановку автобуса легко обнаружили по группе военных и штатских, стоявших на площади. Скоро появился и автобус. Загрузились, и тот без всяких помех выехал за пределы военной части. На следующий день я поинтересовался у Олега, где мы побывали. Оказалось, что в расположении полка морской пехоты. Если бы нас там застукали, то куковали бы до утра понедельника на гауптвахте.

Как я сейчас понимаю, именно эта экскурсия привела к появлению трещины в нашем тандеме. С одной стороны, Сергей лишний раз убедился, что быть ведомым при таком непредсказуемом ведущем накладно. С другой – к этому времени он уже остепенился и сам стал претендовать на роль ведущего.

После того, как Тарханкутская экспедиция прекратила существование, мы несколько сезонов совместно работали на Тамани в составе Анапской и Фанагорийской экспедиций. Я проводил разборку материала и составлял описи. Задачей Сергея было выполнение графических работ. Теперь он привозил несколько подготовленных помощниц, которых рекрутировал из своих дипломниц. В просторечье эта сплочённая группа получила название «монаховский курятник». Эффективность её работы была высокая. В Анапе, где группа оккупировала один из дворикив экспедиционной базы, долгое время за её работой наблюдал один из отдыхающих, как в дальнейшем оказалось, по профессии прораб-строитель. Затем он поинтересовался у Сергея, где тот набрал такой работающий контингент? И меланхолично заметил, что, если бы в составе его бригады был бы с десяток таких работниц, он бы беды не знал с выполнением отделочных работ.

Как раз, в эти «лихие» 90-е годы, благодаря инициативе и предприимчивости Сергея Юрьевича издательством СГУ был выпущен сборник статей под

названием «Греческие амфоры» и пара монографий по той же тематике. В результате, в печати стали появляться упоминания о «саратовской школе амфорологии».

Авторитет школы существенно возрос после появления благодаря инициативе Сергея Юрьевича при СГУ «Института археологии и культурного наследия». Теперь над проблемами амфорологии активно работала группа штатных сотрудников института под руководством С. Ю. Монахова. Мы с ним в эти десятилетия уже шли параллельными курсами, однако, в определённый момент Сергей притормозил и даже попятился. В результате наши курсы пересеклись и произошло столкновение.

Возникшие разногласия появились после поездки Сергея Юрьевича на Украину. Здесь он побывал в экспедиции С. В. Полина, занимавшейся исследованием царского Александропольского кургана, а в Киеве познакомился с результатами осуществлённого Полиным анализа амфорного материала из кургана. Масштабы проведённой работы настолько впечатлили Монахова, что он безоговорочно принял предложенную передатировку кургана, которая, как полагал Полин, подтверждала его гипотезу о том, что подавляющее большинство курганов высшей скифской знати сооружено в середине — третьей четверти IV в. до н.э., а к концу столетия скифское население в степи практически исчезло.

После возвращения с Украины Сергей Юрьевич опубликовал пару статей, в которых проанализировал ряд новых комплексов керамической тары, которые, как он полагает, подтверждают гипотезу Полина. При этом, как всякий неофит, он, прежде всего, сжег по примеру Хлодвига, то чему ранее поклонялся. Заявил, что те датировки клеймённого амфорного материала (в первую очередь гераклейского), которых он придерживался ранее, появились в результате того, что его бес (в моём лице) попутал. Теперь же настало время исправить допущенные ошибки.

В связи с тем, что в то время я как раз занимался корреляцией хронологии гераклейских оттисков, пришлось провести детальную оценку представленной аргументации. Она не показалась мне убедительной. Одновременно своё несогласие с предложенными датировками высказали приднестровские и болгарские археологи, работавшие с аналогичным материалом. Естественно, что безоговорочно поддержал выводы Сергея С. В. Полин. Таким образом, возникла патовая ситуация. На одной из конференций в Саратове, я предложил объявить мораторий и дождаться появления нового материала.

Мне приходилось наблюдать случаи, когда научная дискуссия между бывшими друзьями заканчивалась полным разрывом отношений. К счастью, с нами этого не произошло. Истина, как писал Аристотель, может быть дороже дружбы, но даже в борьбе за неё нет оснований перечёркивать сложившиеся тёплые дружеские отношения.

Именно по этой причине, я взял на себя смелость обратить внимание Сергея Юрьевича на одну из принципиальных задач амфорологии, которая уже давно стоит на повестке дня, и которую на сегодняшний день может решить только руководимая им группа.

В последние годы она выполняет масштабный проект по изданию амфорных коллекций, хранящихся в фондах российских музеев. Уже вышли в свет четыре тома альбомного формата. Они по качеству полиграфии: наличию суперобложки, присутствию хороших рисунков и фотографий разительно отличаются от изданий такого рода, выпущенных 30–40 лет тому назад. Вполне заслуженно эти публикации получили высокую оценку специалистов.

Однако как-то незамеченной осталась проделанная группой работа над параллельной частью проекта – созданию на базе материалов, содержащихся в Каталогах базы данных по амфорам в Интернете на портале АРЕ («Греческие амфоры VII–II вв. до н.э. с северных берегов Понта»: <https://ape.sgu.ru/>), где амфоры сгруппированы не по местам хранения, а по центрам производства. Наличие разработанной поисковой системы позволяет существенно облегчить исследователям работу по определению материала и поиску аналогий. Не случайно, Сергей Юрьевич честно признался, что, хотя в его кабинете одну из книжных полок украшают тома Каталогов, он в случае необходимости обращается не к ним, а к portalу в Интернете.

Следует иметь в виду, что результаты проделанной саратовской группы масштабной работы будут в первую очередь использованы относительно узкой группой специалистов всерьёз занимающихся исследованием греческого амфорного производства. Массовые же потребители, которыми являются полевые археологи, обращение к portalу АРЕ за консультацией лишь в редких случаях приведёт к положительным результатам. В их практике обнаружение целых и археологически целых амфор является не столько правилом, сколько исключением. Зато ежегодно в их распоряжении оказываются сотни профильных частей сосудов (венцов и ножек). Лишь незначительная их часть подвергается достойной обработке в поле, остальные фрагменты просто выбрасываются в отвалы. И в этом

нельзя винить руководителей раскопок. В их распоряжении отсутствуют простые в использовании определители профильных частей амфор.

Сложившаяся ненормальная обстановка хорошо известна Сергею Юрьевичу. В изданных каталогах неоднократно (правда, вскользь) отмечается, что появление каталогов-определителей целых форм остродонных амфор позволит в перспективе разработать столь необходимые определители их профильных частей. Я уверен, что эта перспектива уже давно не только назрела, но и созрела.

Уже полвека тому назад, когда начиналась обработка массового амфорного материала с поселения Панское I, мы создали таблицы, где были сгруппированы рисунки в натуральную величину венцов и ножек, типичных для амфор разных центров производства. Эти таблицы значительно облегчали фиксацию, поступавшего на керамичку материала. В дальнейшем на протяжении десятилетий в ходе обработки амфорного материала других экспедиций Сергеев Юрьевичем были выполнено ещё несколько тысяч чертежей амфорных профильных частей. С учётом того, что он трепетно относится к сохранению своего архива, я уверен, что эта уникальная картотека сохранилась. Таким образом, база для создания полноценного определителя уже имеется. Осталось провести группировку материала и определить конфигурацию его подачи.

По моему мнению, наиболее рациональной является электронная форма. Она позволит потребителю легко получить необходимую информацию. Правда, при этом необходимо дополнить поисковую систему программой, позволяющей найти аналогии по графическому изображению. Полагаю, что для этих целей вполне подойдёт программа, которую используют криминалисты для распознавания лиц по фотороботу.

Очень надеюсь, что этот проект будет реализован саратовской группой ранее, чем настанет следующий юбилей Сергея Юрьевича.

Дружба, зародившаяся в юности, считается самой крепкой. А если она возникает в экспедиции – она практически обречена на успех. Об этом и, конечно, о лучшем друге любого человека – собаке, нам расскажет Александр Константинович...

А. К. Филиппов

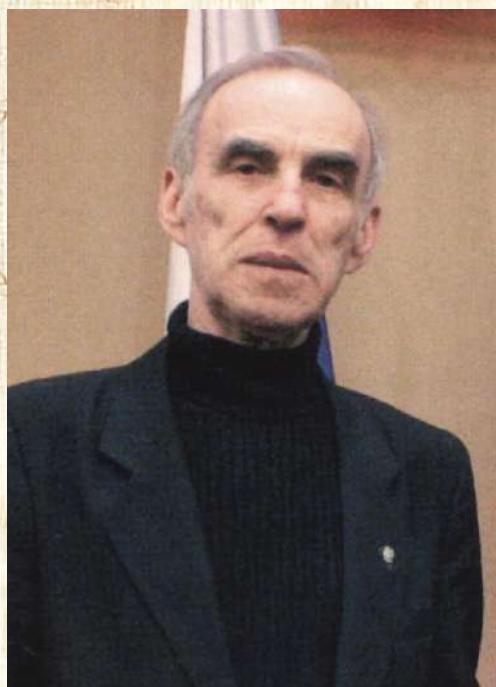
**ВПЕРЕД! В ПАМПАСЫ!
(ПИСЬМО К ДРУГУ С. Ю. МОНАХОВУ ПО СЛУЧАЮ ЕГО
70-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ)**

Старик! Прости за сию метонимию, ибо этот вариант многих тропов, сложившихся в русском языке, стал для нас наиболее приемлемым в общении друг с другом ещё в те далёкие годы, когда нам было по двадцать лет.

Да, старик... Время – самая непостижимая субстанция этого четырехмерного континуума. Кажется, только вчера пересеклись наши пути под крышей исторического факультета СГУ, а минула половина столетия! И сколь причудливо тасует судьба колоду карт человеческих жизней...

Наша полувековая дружба легко могла бы не состояться. Жили бы мы стобой, не ведая, что есть такие в подлунном мире – Серёга Монахов и Сашка Филиппов. Если ты пришёл на истфак, как я полагаю, совершенно сознательно, то я возник там абсолютно случайно. Просто потому, что я, получив среднее музыкальное образование, понял: не получится из меня хорошего пианиста. А пианистом можно быть либо хорошим, либо не быть пианистом совсем. Прощай мои мечты о консерватории...

Решение моё, к великому огорчению родителей, светлая им память, и привела меня на истфак, так как всякие прикладные науки вызывали у меня более



чем скептическое восприятие. Математику, физику и прочую химию. Я воспринимал их не более как костыли технического прогресса. Не видел я в этих науках творческого начала. Дважды два – четыре, сила есть произведение массы на ускорение и сумма углов треугольника обязательно равна 180 градусам. То ли дело – История, где есть возможности сомневаться в истинности общепризнанных доктрин. Вот такой судьбоносный для меня экспромт я и исполнил. Экспромт этот, судьба ли, начертанная в Хрониках Акаши, свела нас с тобой? Кто знает?

Напомню, если ты запомнил, при каких обстоятельствах состоялся наш первый «интеллектуальный контакт»...

1972 год. Археологическая практика в северо-западном Крыму. Полуостров Тарханкут. Раскопки античного поселения Панское. Поздний вечер. Солнце опускается за горизонт Ярылгачской бухты. За палатками курганный комплекс уже утонул в фиолетовом сумраке. Волны моря, набегая на берег, тихо шепчут о вечном. Одним словом – Идиллия... Романтика...

Владимир Иванович Кац, наш будущий научный руководитель, ведет с тобой неформальную беседу о роли личности в истории. Я издали прислушивался к теме, которая меня, в некоторой степени, давно интересовала. Минут пятнадцать Владимир Иванович излагал, а потом, сладко зевнув, отправился спать.

Я присел на ещё теплый песочек рядом с ранее визуально знакомым мне студентом (ведь ты, старик, был старше меня курсом) и сказал: «Простите пожалуйста, что я не будучи знаком, позволяю себе... Но предмет вашего разговора настолько интересен...».

Дело в том, что я только что прочитал «Мастера и Маргариту» и невольно использовал фразу Воланда, так как вся сцена вашей беседы мне живо напомнила беседу на Патриарших прудах Берлиоза с Иваном Бездомным о историчности Иисуса Христа. Кац, конечно, – Берлиоз.

Протянув руку, я представился: «Второй курс, Александр Филиппов. Можно Искандер. Можно Двурогий. Можно просто Македонский, ведь отцом Александра Великого по официальной версии был Филипп II, а значит, что Александр Великий тоже был Филипповым».

Легкая улыбка пробежала по твоим устам, и ты, протянув мне руку, ответил: «Третий курс. Сергей Монахов. Можно Серёга. Лучше без генеалогии и титулатуры».

Беседа о роли личности продолжилась теперь *Visavis*, а вскоре она переросла в довольно жаркую дискуссию. «Великой Личностью, – утверждал я, – может быть только человек Творчества. Создатель, чьё творчество нетленно: Рафаэль, Бетховен, Пушкин, – да! Императоры, полководцы, реформаторы – все они дутые фигуры. Ганнибал? Что ли он великий полководец? Или император Константин? Может быть Вольтер? Может быть (да простят меня профессора-историки) Петр I, Екатерина II... В чём их величие? Они суть актёры-статисты на сцене истории».

Тот час же последовало твоё возражение: «Ну, ты даёшь! Просто Ниспровергатель Великих Личностей! Будучи студентом 2-го курса, не следует замахиваться на Личностей, даже если их величие находится под сомнением, и, тем более, выражать свои сомнения вслух».

Наш диспут закончился только к полуночи. Вот так и состоялось наше знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу.

Старик, признаюсь, что я своими крамольными высказываниями сознательно провоцировал тебя на соответствующую реакцию («троллил», как говорит нынешняя молодежь) дабы понять: сложатся ли у нас дружеские и, что для меня всегда было важно, доверительные отношения. Сложилось, о чём свидетельствуют пятьдесят лет общения.

В своих ностальгических штудиях я не могу не упомянуть об одном, казалось бы, незначительном эпизоде: лыжной прогулке, состоявшейся в январе 1980 года. Излагаю суть эпизода, который, возможно, не сохранился в твоей памяти.

Зимой я частенько бегал на лыжах с нашим (уже бывшим) «Шефом», как мы между собой продолжали называть Владимира Ивановича Каца. Однажды ты изъявил желание присоединиться к нам. Пошли мы, уже втроем, традиционным маршрутом: от Агафоновской горы через Кумысную поляну до моей дачи, где намеревались принять по 100 грамм для «сугрева» и к вечеру вернуться в Саратов.

Путь предстоял не близкий: 13 километров туда и столько же обратно. И надо же таковому «афрунту» случиться! Только мы поднялись на Кумыску, как шеф сломал свою правую лыжу. Надо возвращаться... Но, Владимир Иванович решительно заявил: «Менять свои планы не будем. Борьба и искать, найти и не сдаваться! Только вперед!»


Мы пытались убедить его, что идти на одной лыже как минимум двадцать километров – затея в высшей степени бессмысленная. Бесполезно. Поняв всю бесперспективность уговоров на предмет возвращения, мы двинулись в сторону дачи. Кац снял левую лыжу и, утопая по колено в снегу, решительно двинулся к заветной цели.

Часа через полтора добрались мы до дачи в надежде, что вот, наконец, «согреемся» запасённой накануне «огненной водой» и под лёгкий «закусон» восстановим свои утраченные силы, столь необходимые нам на обратную дорогу. Но тут нас поджидал новый «афронт»: я забыл дома ключи от дачи!

Что оставалось делать? Только вскрывать через выбитую форточку дачное окно и передохнуть в относительно приличных условиях. Окно вскрыли, как профессиональные домушники легко проникли в «бунгало». Усугубили по 100 и двинулись в обратный путь. Ты, старик, больше на лыжные прогулки не ходил. А Кац, пропахав в сугробах ещё 13 километров, остался прогулкой весьма довольным. Этот случай стал для нас наглядным уроком упорного стремления к достижению поставленной цели.

Но самые благостные мои воспоминания связаны с нашими ежегодными летними дачными посиделками, в которых традиционно принимали участие наши воспитанники: красавцы псы ризеншнауцеры, Здоровенные страшные черные кобели. Мой – Найс (папа) и твой – Лонг – (сын Найдса), который перерос своего весьма крупного папашу и имел ещё более свирепую внешность. Нередко к нашей славной четвёрке присоединялась ещё одна «сладкая парочка»: мой сын Андрей и его ризен Лампас, – родной брат Лонга от Найдса.

Как счастливы были, пребывая на природе, наши собачки! И мы, наслаждаясь какой-то первобытной свободой, были счастливы вместе с ними. Сложившийся дачный распорядок дня был насыщенным и предусматривал следующие мероприятия: 1. Кормежка псов в отдельной посуде дабы избежать собачьих эксцессов. 2. Приготовление «корма» для себя. 3. Лёгкий людской фуршет. 4. Купание псов в близлежащем пруду с непременно аппортированием палочек размером с хорошее бревно. 5. Наш и собачий ленч. 6. Общая сладкая дремота. 7. Лёгкий фуршет. 8. Интеллектуальная беседа до вечера (собаки в беседе участия не принимают). 9. Лёгкий фуршет (с обязательным произношением тостов и здравий). 10. Коллективный променад на закате по окрестным полям,



который продолжался, как правило, 3–4 часа. 11. Сон до позднего утра. Распорядок следующего дня – см. вышеозначенный перечень.

Такие мероприятия мы стали называть «походом в пампасы». Стало привычным, встречаясь в университетских коридорах, приветствовать друг друга фразой, ставшей только нам понятным слоганом: «Ну, что, старик? Вперед! В пампасы?».

А помнишь как?... А ты, старик, не забыл?.. И так до бесконечности.

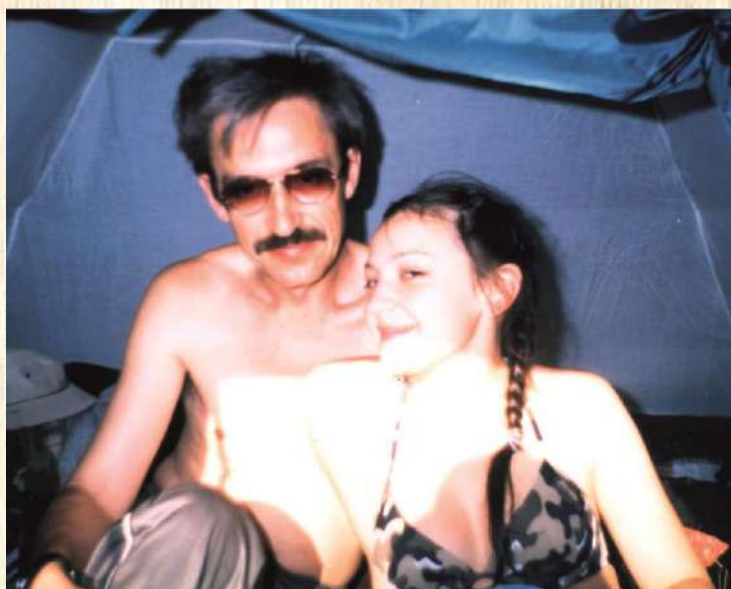
Однако эпистола моя, кажется, получилась излишне длинной. У Пушкина письмо Татьяны Лариной Онегину заканчивается словами: «Кончаю. Страшно перечесть». Вот и я свой опус перечитывать не стану. Обязательно править начну и могу текст испортить. Пусть останется таким, каким лег импровизом.

Ещё раз поздравляю тебя с материальным воплощением в нашем общем континууме, которое имело место на радость всем нам 70 лет назад. От души желаю тебе долгих лет жизни под оптимистическим девизом «Вперед! В Пампасы!»

В культовом фильме «Великолепная семёрка» главный герой говорит: «Мне предлагали много, порой — очень много. Но мне еще никогда не предлагали ВСЁ!». И если Кац и Филиппов знают юбиляра долго, очень долго, то следующий автор знает его ВСЕГДА.

Н. Ю. Артамасова

ПАПА МОЙ...



Вся моя жизнь связана с папой, скорее с мапой. Сергей Юрьевич не только прекрасный отец, но еще и мать.

Как гласит легенда, папа не очень хотел дочку, лучше б еще одного сына, продолжателя рода и фамилии.

Но судьба распорядилась иначе, но лучшего папы дочки сложно себе представить. Я не знаю более нежного, заботливого, любящего человека.

Спасибо, папа, тебе за детство, оно было особенное благодаря тебе, это навсегда в моей памяти. Я помню, как ты заплетал мне косички, тугие, что аж щеки сводило, пек шарлотки, читал вместо сказок мифы Древней Греции, твои бесконечные походы со мной в театр, и как ты засыпал сразу при открытии занавеса, потому что не высыпался никогда. Надо отдать должное, что репертуар я посмотрела весь.

Из совсем раннего детства осталось — дом на Сакко-и-Ванцетти, ты носишь меня на руках и поешь тихим хриплым голосом — «Когда была девушкой юной, сама не припомню, когда, я дочь молодого драгуна и этим родством я горда», еще «Степь да степь кругом». Слуха у тебя не было, но слова от и до помню до сих пор. Запом-

нилось, как ходили в цирк, как нам принесли почти ящик мороженого. Помнишь, как забирал меня от бабушки?

Мы часто ходили пешком в любую погоду, дождь ли, метель – от Театральной площади до дома, район 1 Городской больницы. Ты был такой большой и длинноногий, крепко держал меня за руку, во рту неизменный Беломор, шел ты всегда быстрым шагом, я не поспевала за тобой, мелко перебирала ножками, меня все время заносило на поворотах, и я висела на руке. Так вот, я теперь до сих пор быстро хожу, привыкла.

Ты часто брал меня на работу в IV корпус СГУ, он тогда на Театральной площади находился. Обычно я сидела за доской на лекциях и показывала язык студентам или играла в «Мортал комбат» под лестницей в каморке папы Каца.

У нас был огромный пес Буся (Лонг), ты сшил для него упряжку и катал меня на санках; мы гуляли всегда до посинения в аллее возле дома. Я всегда ждала, когда ты придешь с работы и поведешь меня вместе с Бусей гулять.

А еще твой юмор, крепкий и хлесткий.

В экспедиции папа не брал меня долго, боялся. Помню, мне было уже около 10 или больше, когда я первый раз поехала... Счастью моему не было предела, до сих пор я вспоминаю с теплотой в сердце наши совместные поездки, то счастливое беззаботное для меня время.

С папой всегда можно все, выпить, рассказать самое сокровенное. Он никогда не осудит, в любой самой страшной или непонятной ситуации скажет просто – «наплевать, я с тобой!». Ну и еще парочку крепких словечек и сразу становится легко на душе.

Прошли годы, С. Ю. очень хотел внука, но судьба распорядилась иначе, сплошные внучки. Теперь дедушка внучек – папа по совместительству. С обязанностями справляется успешно. Дружит со старшей. Ходит в авторитете у младшей Златы по кличке Сталин. Надо отдать должное, Сталин внешне и по характеру больше всего напоминает его. Она называет деда исключительно Серёжа или дед Мороз.

На всю жизнь запомнила фразу – «Не надо ждать чего-то от детей, возлагать надежды, надо просто любить. Они твои, какие есть».

Теперь я стараюсь также воспитывать своих детей, просто любить, принимать, папа в этом помогает, всегда рядом, никаких советов, никакого давления, только помощь и поддержка, всегда рядом.

Люблю, папа...

Многие знают, что на протяжении ряда лет, на заре своей трудовой деятельности, наш юбиляр активно работал по комсомольской линии и в СГУ и в обкоме профсоюза работников просвещения и высшей школы, где познакомился с удивительными людьми, ставшими для него близкими на долгие годы.

Г. В. Грачев

ЯРКИЙ ПРИМЕР БЕЗЗАВЕТНОГО СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ...

Знакомство. На сайте СГУ указывается, что Монахов Сергей Юрьевич ряд лет работал на освобожденной комсомольской и профсоюзной работе в комитете ВЛКСМ СГУ.

На эти годы приходится время нашего знакомства, по-моему, это был 1972 или 1973 год, а место, где это случилось – комитет комсомола СГУ.



Однажды ближе к вечеру, я, студент отделения психологии биологического факультета СГУ, зашел в университетский комитет комсомола к своему близкому другу и старшему (на три года, в молодости это был существенный срок) товарищу – Щербакову Владимиру Николаевичу, который также, как и С. Ю. Монахов был на освобожденной комсомольской работе. Это был небольшой узкий кабинет, по-моему, на первом этаже 5-го корпуса. Когда я вошел, слева сидел Щербаков В. Н., а справа, лицом к окну и согнувшись, спиной ко мне сидел молодой человек и что-то печатал на электрической машинке, которая стояла на низком

журнальном столике. По тем временам электрическая печатная машинка была менее распространенным новшеством оргтехники, чем в настоящее время компьютер и принтер. После знакомства у нас завязалась беседа, и я узнал, что печатал он на машинке курсовую работу, посвященную истории Древней Греции. Так произошло наше знакомство, которое перешло в длительные дружеские отношения.

Развитие. Наши жизненные пути шли по разным профессиональным направлениям, но мы сохранили дружеские отношения до настоящего времени.

Несмотря на то, что с 1984 по 2015 годы я находился в Москве на различных ступенях государственной службы, наши отношения не прерывались. Мы неоднократно встречались в столице и, конечно, в Саратове, куда я приезжал по несколько раз в год. У нас сформировался определенный круг общения, центром которого стал общий друг Щербаков Владимир Николаевич и его жена Татьяна Степановна. Они сумели создать неповторимую доброжелательную обстановку дружеского общения как у себя в квартире в Саратове, так и в загородном доме, где всегда царила особая атмосфера, позволяющая свободно и открыто обсуждать как научные вопросы, так и любые другие проблемы. Практически там прошли все презентации (как сейчас принято обозначать) наших научных достижений. Мы как-то не очень «документировали» наши встречи, но несколько фото у меня сохранились (в Москве в моем кабинете в Администрации Президента РФ, где нас сфотографировал наш товарищ Владимир Митрохин и в загородном доме у Щербаковых, где нас сфотографировала Татьяна Щербакова).

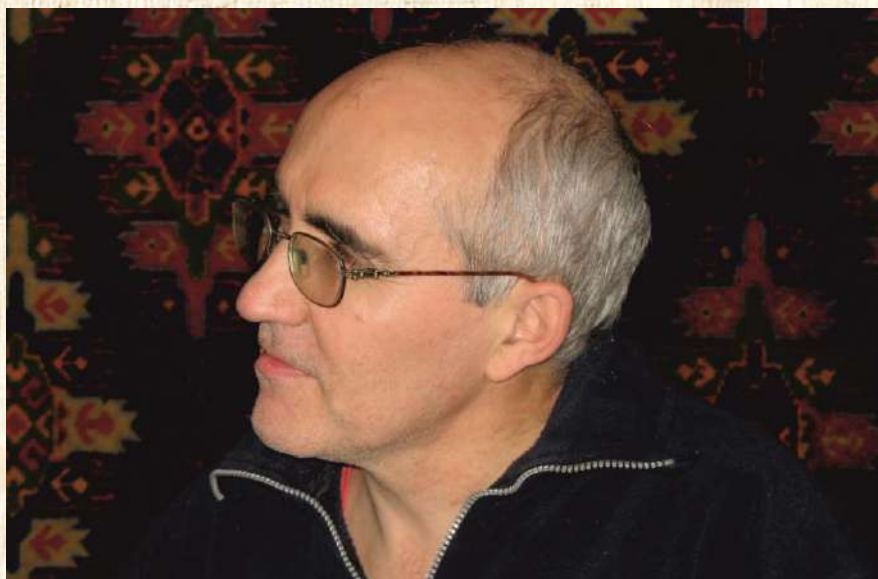
На мой взгляд, жизненный путь Монахова Сергея Юрьевича – это яркий пример беззаветного служения науке. Я не боюсь этих высокопарных слов, потому что искренне в это верю. Я очень рад и горжусь, что моя жизнь многие годы (по-моему, около пятидесяти лет) и до настоящего времени проходит во взаимодействии и дружеских отношениях с дорогим юбиляром.

Нередко, попадая под влияние талантливого педагога, студенты собираются посвятить свою жизнь его научной тематике. Чаще всего очарование быстро проходит, особенно если речь идет не о самой увлекательной научной проблеме – объема античных амфор. Однако ничто не может помешать развиться дружеским отношениям между учителем и учеником. Разве не прекрасно, что их удается сохранить на протяжении десятилетий?

С. Ю. Шенин

ДОРОГОЙ СЕРЁЖА!

Сегодня мы все – твои друзья, ученики, коллеги, близкие – столкнулись с тем, что ты, Сергей Юрьевич Монахов, отмечаешь потрясающую дату, замечательный юбилей, важный рубеж, за которым, можно не сомневаться, последуют еще десятилетия творческой жизни, наполненные новыми достижениями, открытиями, учениками.



К тебе всегда притягивались, примагничивались люди, коллеги, студенты – энциклопедические знания, способность предложить интересный оригинальный анализ далекой и близкой истории, умение стряхнуть пыль веков и разобрать на составные части события и целые эпохи. Потом собрать все это и изложить в виде научного текста, интересного даже неспециалисту.

Ты стал Учителем для огромного числа выпускников, коллег, в том числе и для меня. Вложил первые представления об исторической науке, о способах дружить с ней и поклоняться ей. Подсказывал, когда можно с наукой поговорить, когда не стоит говорить, а когда лучше помолчать и выкурить очередную «беломорину» (по желанию).

Ты научил смотреть на мир внимательно и спокойно, без суеты, через призму прошлых и грядущих веков. Вспоминая не очень далекое прошлое (всего 40 лет!), в памяти возникает высокая худая фигура, рисующая что-то на доске и пытающаяся пробиться к замутненному сознанию единственного спецсеминариста, который, отчаянно борясь со сном после рабочего дня, добросовестно пытался понять, почему именно из этого кургана «полезли покойнички».

Для каждого участника твоих экспедиций – это незабываемое: это университетская аудитория под открытым небом, это совковая лопата, которая превращает первокурсника сначала в студента, потом в человека. При этом изощрённо используется тончайшая технология конструирования юных душ, превращая их либо в фанатиков археологии, либо в тех, кто безысходно этим фанатикам завидует.

Фирменное умение ненавязчиво, но очень вовремя подарить друзьям свою поддержку. У меня в этом плане огромная коллекция, которая включает в себя помощь в издании книг, воспитании моих детей (в суровых условиях экспедиций), перетаскивание мебели на профессорском горбу на седьмой этаж, рытье колодца, а также совместные спортивные, банные и прочие интересные мероприятия.

Мы по-особому относимся к нашему прошлому, к СССР. И не потому, что там было хорошее соцобеспечение или бесплатные профсоюзные путевки. Там было очень много порядочных людей, таких, которые не выбрасывали ключи от старых сейфов. И, слава Богу, что эти люди сегодня с нами.

С юбилеем!

Кто то из студентов сразу понимает, что археология – не его наука, но на всю жизнь заражается романтикой поля. При этом остается верен науке об античности, пытается сохранить кафедральные традиции, но доставляет порой своему заведующему немало беспокойства...

С. В. Смыков

НЕЗАМЕНИМЫЕ ЛЮДИ ЕСТЬ!

Нескромно начну с самоцитирования. Когда-то, десять лет тому назад, мне уже случилось писать о первых впечатлениях, когда я увидел С. Ю.: «Он был весь каким-то геометричным, состоящим из острых углов - не угловатым, а именно геометричным! Острое лицо, остро пущенные на лоб волосы, какой-то острый наклон вперед, острые стремительные движения. И измерительные инструменты в его руках казались естественным продолжением этих рук, и казалось, что он так и появился на свет, как эпический герой, зажав в руке скипетр и державу, штангенциркуль, карандаш «Кохинор» и рулон миллиметровки. Вообще-то, может быть я видел его и раньше – на первокурсника обрушивается слишком много впечатлений, слишком много людей мелькает мимо него в тесном пространстве факультета, а С. Ю. в то время трудился еще не на кафедре, а в археологической лаборатории, так что вряд ли его можно было часто увидеть в нашей «четверке». Иное дело второй курс – за плечами осталась практика и рассказы В. И. Каца (и не только), так что, увидев в 16 аудитории (она же и кабинет кафедры) незнакомое лицо в окружении группы студентов, которые проделывали какие-то манипуляции с амфорами, я сразу понял, кто это. Ну а «Кохинор» в этом рассказе – для красного словца. В те поры я, испыты-



вавший в школе почти патологическую нелюбовь к черчению и получавший четверки по нему лишь из милости, и слова-то такого не слышал.

А потом был третий курс, на котором во втором семестре уже пришедший на кафедру С. Ю. читал у нас спецкурс «Методика полевых и камеральных археологических исследований». Нас было немного, всего три человека, помещались мы в очень маленькой аудитории в самом дальнем углу на первом этаже, сразу же за учебной библиотекой, заставленной шкафами с какими-то папками. С. Ю. приходил с «дипломатом», полным тяжеленных книг (как только ручка выдерживала! У этих чемоданчиков была гадостная особенность: чем он вместительней, тем короче был век ручки). Книги были разные, как и материал этого курса, в котором чередовались памятники Поволжья и античные памятники. Чертежи, схемы, фотографии, а главное – устная история, множество рассказов, иллюстрирующих материал, из собственной практики и из устных анналов археологии. Были и практические занятия. Тогда на стенках шкафов и на столах рисовались курганы и группы курганов, а мы получали компасы, пользуясь которыми должны были нанести их на план. Не скажу, что это у нас получалось – слишком гуманитарное сознание трудно примирить с фиксированной точностью. И уж совсем в сакральный трепет нас повергли последние лекции, посвященные математическим методам. Вот тут, несмотря на все старания С.Ю. мы не поняли ничего! Страшны, страшны были нам «Каменецкий, Маршак, Шер», так страшны, наверное, еще только тексты современных философов, где тоже все слова русские – а не понятно ничего! В довершение был еще и вопрос по этому самому формализованному подходу, который дал мне С. Ю. на экзамене и который я не знал абсолютно. Резолюция: «Ну, ты меня разочаровал... Я думал, ты хоть что-то скажешь, обсудим это вместе, а ты...». А что я? Получил четверку, хотя не знал и на уже вышедшую тогда из моды единицу. В общем, позорная получилась оценка.

Можно считать нам повезло: этот спецкурс С. Ю. читал всего два или три раза. С одной стороны, это можно понять – очень уж специфический материал для «чистых» историков, ориентированных на текст, и я был еще не самый худший, мои однокурсники получили на том экзамене по трояку, хотя вопросы у них были, на мой взгляд, просто подарок. Так что такой курс был, что называется, не в коня корм. С другой стороны, жалко, что слушали этот курс так мало людей. Историков нужно иногда тыкать носом в археологический материал, как котят в молоко: часто они слишком высокомерны и не желают понимать и принимать иные формы постижения

прошлого (как сказал один историк, когда ему указали на несоответствия данных Геродота о погребальном обряде скифов и археологических данных: «Ну да, конечно! Геродот ведь не слушал курса археологии!»). Так вот, в этом смысле курс, конечно, был бы полезен для любого историка, даже несмотря на сложность его математической части.

Последнюю попытку вовлечь меня в лоно археологии С. Ю. предпринял летом 1988 г., когда наша практика работала на Елизаветовском городище, взяв с собой в подвалы Азовского музея чертить амфоры. Про свое отношение к черчению я уже писал, так что ясно, что из этой попытки ничего не получилось. Наверное, С. Ю. тяжело вздохнул по израсходованной зазря миллиметровке, потому что то, что я изобразил, лечению не поддавалось... и с тех пор на меня махнули рукой, предоставив мне оставаться тем, кем я и хотел быть, любителем, который машет лопатой на раскопе и вполне доволен такой жизнью. А все-таки и эта поездка не прошла даром, и теперь, беря в руки роскошно изданные С. Ю. и его командой каталоги, я понимаю, чего стоит этот труд, не только теоретически: я вспоминаю подвал музея, холодный, несмотря на уличную жару; тесноту, тусклые лампочки. Я-то пробыл там всего один день – но какой одержимостью своим делом нужно обладать, чтобы провести в таких подвалах десятки, а, скорее, даже сотни дней! Каталоги – верхушка айсберга, а его подводная часть – вот такая долгая работа.

Вообще, С. Ю. и амфоры – это особая тема. Еще раз процитирую сам себя: «С тех пор мне доводилось видеть амфоры в руках многих людей, но никто из них не умет обращаться с ними так, как С. Ю. - почти как с любимой женщиной. А описание амфорных красот! Когда С. Ю. говорит о них, звучит это почти как поэма, и вот уже не глиняную хреновину, именуемую «ножкой», видишь пред собой, а те самые ножки, о которых ещё Пушкин писал, да и «плечики» амфорные воспринимаются как-то... по-другому. Да, амфоры – это священное. Однажды на него вздумал покушаться (тайно!) сам Владимир Иванович Кац: захотел передать в школьный музей с. Муммовка, где много лет под его руководством проходили педагогическую практику небольшие группы студентов истфака, амфору, которая находилась у нас на кафедре, и, как он говорил, была никому не нужна. Приехав из Муммовки на денек в город, я зашел на истфак, где встретил С. Ю. и на вопрос о том, как у нас дела, восторженно изложил свои впечатления от практики, и простодушно проболтался про замысел В. И. Практика подходила к концу, амфора не появлялась, а когда я

спросил о ее судьбе у В. И., тот сказал: «Болтать нужно меньше было! Не будет никакой амфоры!» Оказывается, узнав от меня о судьбе, уготованной сакральному сосуду, С. Ю. взял его под бдительный контроль, и школьный музей амфора так и не украсила.

А как С. Ю. загорелся интересом, когда году, по-моему, в 1985 появились подозрения, что неподалеку от с. Оленевка есть античная гончарная печь – если мне память не изменяет, в те годы С. Ю. мечтал о такой находке. В выходной день, с группой практикантов-добровольцев, он выехал туда, но надежды не оправдались. Там нашли останки фашиста, которые потом захоронили, его каску, которую передали в Черноморский музей – и не нашли никаких следов античности. Но это, конечно, выходящий за обычное течение дел эпизод; а повседневностью была ежедневная кропотливая работа в штабном вагончике. Иногда она оживлялась, если В. И. и С. Ю. не сходились по какому-то вопросу; начиналась научная перебранка, а если к этому подключался Е. Я. Рогов, то вообще получалось мини-представление.

Все это, конечно, не носило серьезного характера. Пара Кац-Монахов была, как это понимали все, монолитом, даже некоторые чисто внешние привычки у них были сходными: оба ходили в привезенных из Цхалтубо сванках, оба носили с собой в походах по Горному Крыму тяжеленные кофры, оба почти одновременно стали курить трубку, оба ездили на велосипедах. Правда, в этом отношении С. Ю. был, конечно, послабее – у В. И. практики было побольше, с велосипедом он не расставался и в Саратове (помню, однажды он приехал вечером в Муммовку на велосипеде из Саратова – километров 70, вечером, под холодным секущим октябрьским дождем!). Но все-таки однажды В. И. и С. Ю. съездили на велосипедах с Панского в Ольвию, правда, как пролегал их маршрут я не знаю.

А потом прошло время моей работы по распределению в сельской школе, и после лета, проведенного на Панском (это было лето 1989 г., последнее лето, когда наша практика туда ездила) я снова пришел в университет и началась преподавательская работа, и вот уже больше тридцати лет она проходит рядом с С. Ю., и тут-то было гораздо больше уроков, чем в предшествующие годы.

Совместные усилия В. И. и С. Ю. не смогли обратить меня к изучению керамики, так что в научном отношении я очень далек от их интересов. Но вот странность: если говорить об Учителях, то, конечно, ими будут Владимир Иванович и Таисия Павловна Кац и Сергей Юрьевич Монахов, все достаточно далекие

от проблематики, с которой я связался. Иногда их уроки несколько противоречили друг другу, но они были едины в главном – абсолютной порядочности и по отношению к людям, и по отношению к своему делу. В то время это было особенно важно – слишком много поднималось наверх всякой мути, а столкновение с теми сторонами преподавательской жизни, которые студентам либо неизвестны, либо известны лишь по слухам, было не самым приятным делом. С. Ю. ничему не получал, он просто подсказывал, как можно быть достаточно гибким, и в то же время не терять своего лица. Это было сложно, я готов был встречать такие советы в штыки, сопротивлялся до последнего... Но в конечном счете С. Ю. всегда оказывался прав, постепенно даже до меня что-то доходило, и конфликтных ситуаций делалось все меньше.

Сам С. Ю., по моему убеждению, не утратил лица даже в те дни, которые раскололи факультет пополам (или, если быть точным, натрое, поскольку была среди прочего «и ангелов дурная стая, что, не восстав, была и не верна»). Мы были по разную сторону баррикад, часто ругались – а все-таки С. Ю. был одним из немногих «на той стороне», у кого мотивами были не шкурные интересы, а принципиальные соображения. Я не хочу рассуждать на тему, правильные они были или нет, во многом я не согласен с ним до сих пор, но главное – за его поступками не было корыстных мотивов. Я бы даже сказал, что мотивы во многом были вполне возвышенные. Дело в том, что к тому времени на факультете действительно было не вполне благополучно. Внешне это была блестящая вывеска, внутри многое прогнило полностью. С. Ю. факультету и Университету был предан всегда, остается таким и до сих пор. Помнится однажды, где-то в середине 90-х речь шла о какой-то публикации; с изданием тогда было туго, и, не помню уже кто, предложил С. Ю. издать работу в другом месте. Ответ был твердый: «Нет, она выйдет под грифом Саратовского Университета!» Или еще бытовая зарисовка: стоим рядом с корпусом, тем, великим – на площади Революции. Подходит Юра, сын С. Ю., в то время учившийся на истфаке, с пляжа, в шортах. Реакция С. Ю.: «Ты куда явился? В Университет в таком виде не ходят! Марш домой переодеться!» При таком почтении к Университету в большом и в малом, и с учетом бойцовского характера С. Ю. неизбежным было, что он попытается что-то изменить, да он своей позиции и не скрывал. При избрании декана он был единственным, голосовавшим против, – и сам тогда же сказал об этом новоизбранному начальству. Беда была в другом: для таких игр он не создан.

Конечно, со мной многие не согласятся. С. Ю. и сам любит пускать пыль в глаза, изображая хитроумного интригана – многозначительный взгляд, усмешка, некие намеки... Все это маска, игра. С. Ю. действительно умеет решать вопросы, даже на первый взгляд неразрешимые (чего стоит одно только восстановление его стараниями «оптимизированной» кафедры истории древнего мира!), действительно умеет договариваться с людьми, как немногие и т.д. Но вот умения интриговать в нем нет. Когда-то, лет двадцать назад, я сказал ему, что он личность трагическая – вынужден жить по тем законам, которые глубоко презирает, но которыми пропитана наша факультетская среда. От своих слов я не отказываюсь и сейчас, с одной поправкой: стало еще труднее, поскольку законы эти становятся все более волчьими или, скорее, шакальими. Когда несколько лет назад наша кафедра осталась без набора в магистратуру в результате махинаций некоторых «уважаемых коллег», которым С. Ю. поверил, что все у нас нормально, и остался в экспедиции, он сказал: «Я думал, за душой у них что-то осталось...». Не осталось. Во многом мы сейчас находимся в мире узаконенной и уважаемой подлости – да вот С. Ю., даже живя с волками, по-волчьи не запоет. Просто потому, что он всегда старается поступать по-человечески.

Особая тема – это кафедра в жизни С. Ю. Я бы сказал, что кафедра для него – это не столько структурное подразделение, сколько цельный живой организм, слаженно работающий... Хотя иногда отдельные органы и полечить следует. Когда-то, наверное, на третий год моей работы в университете, когда я сильно взбрыкнул и вознамерился уйти (основания у меня были, но находились они вне кафедры, хотя реакция моя была слишком резкой), С. Ю. в приказном порядке повелел мне явиться утром в его лабораторию, старую еще, в бывшем университетском общежитии, и там задал мне хорошую взбучку по поводу моего решения. «Тебе этого никто не позволит! Это же кадровая политика! Что, кафедра с тобой просто так столько лет нянчилась?!». Вот так в доходчивой форме мне было объяснено, что есть более высокие ценности в сравнении с моими личными амбициями. Второй показательный случай был на несколько лет позже, когда уже решался вопрос о моей работе на кафедре. Решался он не без трений, если сказать очень мягко, между кафедрой и деканатом. Подробности неважны, но деканат настаивал, чтобы на конкурс я документы не подавал, уступил место и дожидался новой ставки. Позиция кафедры была иной. В общем, ситуация была неприятной, на меня пытались влиять, благожелательными разговорами и посула-

ми, я уже начал поддаваться, но однажды, идя на занятия, я встретил С. Ю., который, поздоровавшись, сказал мне: «На тебя давят, и еще давить будут, но ты держись, и помни: кафедра тебя не предаст!» Наверное, С. Ю. был единственным человеком, который мог удержать меня, и здесь, и много раз впоследствии, от не вполне обдуманных поступков.

Это была еще та кафедра, одна из самых сильных в стране, слаженно работающая, хотя, конечно, не без внутренних противоречий. Руководить С. Ю. пришлось уже другой кафедрой, побывавшей в заботливых руках оптимизаторов. А потом – еще и еще оптимизация, а потом остался только жалкий огрызок, который попытались ликвидировать, слив с другими кафедрами, и даже на время ликвидировали – но С. Ю. победил! В общем-то, С. Ю. может с полным правом сказать о себе: «Кафедра – это я!». Действительно, на ком держится научная репутация кафедры? На С. Ю. (я не хочу сказать, что другие ничего не делают, да ведь нужно учитывать масштаб фигуры в науке! Думаю, что здесь с С. Ю. не сравнится никто не только на кафедре, но и на факультете). На ком держится АМА? На С. Ю. На ком держится «Слово и артефакт»? На С. Ю. Опять-таки: я не хочу сказать, что он все делает один. Нет, конечно. У него коллектив помощников такой же уникальный, как сам С. Ю. Любой руководитель от зависти помрет, что у него таких людей нет. А все-таки С. Ю. такая фигура, что убери его – и кафедры не будет. Это тот случай, который показывает, что незаменимые люди есть. Ведь талант руководителя – куда более редкий талант в сравнении с любым другим.


Ну а за сим – несколько разрозненных картинок из разных времен.

1987 г. Первый курс, у которого С. Ю. вел этнографию, решил устроить себе выходной, пользуясь тем, что были праздники, а научная библиотека не работала, а литературы не было. В общем, типичная сцена вилика, который оправдывается перед Катонном. Сам я этого не видел, это было в то время, когда я уже работал в Дурасовке, но слышал от нескольких человек: учебник полетел через всю большую аудиторию, нашу, шестнадцатую, ту самую, о которой пелось в шуточной песне на мотив «В гостях у сказки»: «Если только вы не боитесь Кашеева, и Таисию Павловну – Бабу Ягу, приходи на кафедру к нам поскорее, ту, где шестнадцать цифра наверху! Там по кафедре ходит ученый, курит «Беломор» и не ловит мышей – это настоящий, Кац говорящий, а за столом сидит Монахов, змей!». Учебник ударился в противоположную от С. Ю. стену, сопровождаемый

громом и молнией: «Работать надо! Что, в городе одна библиотека? Есть Областная научная, в конце-то концов!»

1990 год, февраль. Воскресенье, день пересдач у заочников, наш корпус на площади Революции. Это был день первого «демократического» митинга в Саратове. Площадь была оцеплена милицией, за оцеплением толпа, которая жаждала пройти, но так и не прошла, в конечном счете, митинг прошел у памятника Чернышевскому. Милиция держала себя вполне корректно; многие преподаватели истфака припали к окнам с жадным любопытством – когда же избивать-то начнут? Вот подъехал какой-то фургон, пошли шуточки: «Это за нами! Сейчас всех погрузят! А правда ведь, мы единственные свидетели будем! Нужно подумать, куда письма протеста писать!» К их глубокому разочарованию ничего не произошло. Нужно было видеть С. Ю.! Он не мельтешил, не лез к окну. Он просто курил – и наблюдал за всем этим с усмешкой, описать которую я не берусь. Мне и дальше случалось видеть у него такую усмешку – всякий раз, когда ему приходилось наблюдать таких вот болтунов-перевертышей. И опять урок: сам-то я в те годы был озверелый демократ, правда, не сильный в красноречии, но готовый идти крушить до основания старый мир. Мне не нравилась эта усмешка; чтобы оценить ее мне пришлось самому сначала очиститься от демократической коросты. Кстати, и здесь С. Ю. знал меня лучше меня самого. «Ну, когда ты нашим будешь?» Я взрывался: чтобы я! Да красно-коричневым! Ни в жизни! На что С. Ю. говаривал: «Будешь, никуда не денешься!» Что же, как известно, С. Ю. всегда прав, прав был и на этот раз, прав был и с усмешкой глядя на перестроечников. С. Ю. знает людей, пустыми словесами его не обмануть. А свой партбилет, в отличие от этой шушеры, С. Ю. не выбросил, и в новоявленную партию не вступил, даже уже будучи проректором. Он то из не предавших.

Примерно тогда же С. Ю. работает у себя в лаборатории, ему помогает студент, который проявил интерес к изучению керамики, очень толковый, но, понятное дело, пока – всего лишь приобщающийся к таинствам «горшковедения». Вдруг он предлагает: «С. Ю., а давайте с Вами статью напишем!». С. Ю. отрывается от своей работы. «О чем?» - «Ну вообще» - «Видишь ли, Сережа, «вообще» статьи не пишутся. Прежде, чем писать, нужно знать, о чем ты писать хочешь, а иначе нечего и бумагу переводить!» Как непохоже это отношение на ту графоманию, которая насаждается среди студентов ныне! Ответственность за написанное, а не игрушки в написании статей. Иногда приходится слышать, как осте-



пененные персоны сокрушаются по поводу ранних публикаций, говорят, что лучше бы их совсем не было. Думаю, С. Ю. такого про свои ранние публикации не скажет, пусть даже что-то видится теперь по-другому.

И уж совсем напоследок – веселая картинка. Дело было на Кастеле в 1985 г. Работа шла своим чередом, мы с Димой Кирюшкиным, школьником, которого я с собой привез и которого, к сожалению, нет вот уже почти четыре года, чистили яму. В перерыв Дима слепил глиняного человечка с вытянутыми вперед руками, чем-то похожего на фигурки из раннеземледельческих поселений. И решили мы подшутить. Человечка подсушили на солнце, а потом я позвал: «С. Ю., смотрите, что Димка накопал!» С. Ю. подошел. Вот уж чего я не ожидал – что розыгрыш будет иметь успех. С. Ю. начал осторожно, с разных сторон, разглядывать «находку». Сбежались практиканты. «Ой, это вы выкопали? Да как же получилось? Его же повредить так легко!». Дима смотрел героем: «Ну так! Уметь надо!». Тут я не выдержал и расхохотался. С. Ю. понял все сразу. Он строго посмотрел на нас: «Разыграли? Ну, артисты...» - и засмеялся сам.

А теперь, вспомнив о прошлом, - в будущее! Как говаривал у нас в Риме старик Гораций: *Nunc est bibendum!* Нужно пить за здоровье юбиляра, и пусть воспоминания о прошлом дают силы двигаться вперед!

Порой судьба сводит нас с людьми, с которыми, казалось бы, ты никогда не должен пересечься, в силу диаметрально противоположных занятий. Что может связывать физика и историка? Об этом нам поведал Владимир Николаевич.

В. Н. Слонов

ПРО РЕЗИНОВОГО ЕЖИКА



1984. Это в данном случае не название романа. Это – год моего знакомства с Сергеем Юрьевичем Монаховым. Тогда я, на тот момент еще не историк и не археолог, а физик, который решил превратиться в археолога и историка, после работы в Среднерусской экспедиции летом 1983-го года (отдельная история, почему переход из физики в археологию я начал с Калуги и Орла), решил познакомиться с саратовскими археологами и, быть может, рассказать что-нибудь интересное о возможностях физико-математических наук в гуманитарных исследованиях.

И тут сразу повезло, потому что я встретился с Сергеем Юрьевичем. Ибо именно он именно в тот период проявлял большой интерес к тому, что потом будет обобщенно называться «статистическими методами в археологии» – направлением, которое именно в эти годы пережило (увы – весьма короткий) расцвет.

Причем Сергей Юрьевич оказался редким археологом, который действительно адекватно, не восторженно-романтически (как правило, с последующим разочарованием с последствиями: «Нет худших чертей, чем падшие ангелы»), не консервативно-ворчливо («Я вот тут наизусть, «в лицо» знаю все свои горшки, зачем мне

еще что-то...») и даже не уныло-редуцированно-прагматично («На памятнике А 32,5 % сосудов имеют валики, на памятнике В – 44,5 %, поэтому... на памятнике В их в 1,5 раза больше...»).

Нет, нет и нет – ничего общего с вышеперечисленным – Сергей Юрьевич очень ясно, по естественнонаучному, именно так, как надо, как будто бы ему с первого курса читали лекции д.ф.-м.н. профессор А. С. Шехтер и д.ф.-м.н. профессор В. С. Стальмахов, понимал, что такое «отражать действительность формализованной моделью», и общаться с ним было одно удовольствие!

И вот, уважаемый С.Ю. Монахов предлагает мне, используя математические методы, поработать с ним над реконструкцией античной методики расчета объема амфор. Оказалось несколько неожиданно – я-то «базово» в археологии начал уже заниматься классификационными моделями. Однако предложение я принял с большим интересом, да и энтузиазмом – тоже большим. Очень признателен судьбе, а также – Сергею Юрьевичу, который тогда научил меня многому важному. И, прежде всего тому, что работа над текстом статьи – очень существенная вещь, ведь форма выражения по значимости вполне сравнима с содержанием... Правильно, что в публикацию попадает не первый и не второй вариант текста, но дело даже совсем не в том, идет ли туда седьмой или восьмой вариант – главное, чтобы этот вариант достиг того уровня, чтобы им оказался доволен самый «взыскательный художник»... У нас, помнится, в печать отправилась десятая версия.

Ну, и в итоге получилась хорошая статья, которая была принята в «Вестник Древней Истории» (вышла в 1992 году). В «послевкусии» память ясно-ясно сохранила: статья закончена – ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, статья закончена – УВЫ, так было отлично над ней работать, но – закончена... Помню это «послевкусие» до сих пор, особенно, наверное, еще потому, что получилось так, что наши с Сергеем Юрьевичем научные пути больше не приводили к совместным публикациям.

С гордостью за нашу науку периодически вспоминаю один эпизод того времени. Однажды прихожу к Монахову, а он только что получил письмо из Франции от одного из ведущих мировых античников – французского археолога Ивона Гарлана. А там такие слова: «Диадоху Монахову от эпигона Гарлана» ...

Есть еще целый ряд вещей, за которые я благодарен Сергею Юрьевичу. Но среди них выделю вот эту. Я уже работал в Археологической лаборатории СГУ (параллельно учась заочно на истфаке), и возник вопрос, какой могла бы быть

тема диссертационной работы (я работал у Н. М. Малова и занимался эпохой бронзы Восточно-европейских степей). «Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья...» -? «Погребальный обряд эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья...» -? А, быть может – «Формирование срубной культуры Нижнего Поволжья...» -? и т.п. А я же ведь как был, так, в части восприятия мира, собственно, и остался на всю жизнь физиком: мне всегда нужно было строить некие модели, причем непременно используя математический аппарат. Будь то формы или орнамент керамики, будь то погребальный обряд, или будь то какие-то попытки предложить механизм формирования чего-то из чего-то. И на тот момент по всему уже были какие-то заделы с публикациями. И Сергей Юрьевич говорит: «Слушай, а почему бы тебе не защититься по математическим методам в археологии? А в качестве руководителя можно попробовать взять И. С. Каменецкого (Москва, Институт археологии, один из отечественных «апологетов» применения математических методов – В. С.), я тебя с ним готов познакомить».

Дальше все было, как и предложил Сергей Юрьевич: знакомство с И. С. Каменецким, который с готовностью принял предложение, формулирование темы диссертации: «Методы формализованной классификации массовых археологических объектов», использование всех уже наработанных материалов, обеспечивших сразу все (ну, кроме историографической) главы диссертации и – достаточно быстрая и не очень проблемная (не очень много было в Институте археологии специалистов, готовых как-то оппонировать на чужом поле). И в 1995-м году я стал кандидатом исторических наук.

Не только про науку хочется говорить, рассказывая о том, что же представляет наш С. Ю. Монахов в моей жизни. Как-то так получилось, что практически сразу после знакомства у нас с ним сложились дружеские отношения – я бывал дома у него, он нередко был моим гостем. Больше всего я тут люблю вспоминать нашу «дружбу семьями», когда мы с моей женой Олей Кочерженко (которая, являясь археологом, сама прекрасно знала Сергея Юрьевича, причем еще раньше, чем я) завели собаку – «чернышку», черного терьера Келли. А у Монахова примерно в это же время появился ризеншнауцер Лонг. Вполне оправдывавший свое имя – высокий такой, длинный... Сергею Юрьевичу иногда приходили в голову мысли о возможной выдаче замуж нашей Келли за его Лонга. Правда, этого так и не произошло – возражала Оля...

С Лонгом однажды случился чарующе-забавный эпизод из разряда «и смех, и грех» (ну, справедливости ради – сам я его непосредственным свидетелем не был, знаю со слов Монахова). Как-то раз (сильно не летом – по-видимому, поздней осенью – все люди были в теплой одежде) наш Сергей Юрьевич в очередной раз пошел выгуливать Лонга. И случилось так, что на пути был открытый люк колодца, который по каким-то причинам оказался незамеченным, и хозяин Лонга неожиданно провалился (к счастью, только по грудь) в этот колодец. И несчастливым образом оказался не в состоянии самостоятельно оттуда выбраться. И тут на первый план вышел Лонг. Он принялся бдительно охранять и самоотверженно оборонять своего попавшего в беду хозяина от кого бы то ни было... В итоге, к нашему всеобщему (и Лонга в том числе) счастью Сергею Юрьевичу удалось выбраться из этой не слишком-то простой, благодаря деятельному вмешательству Лонга, ситуации...

Однако среди всех этих памятных замечательных и теплых историй, связанных с Сергеем Юрьевичем Монаховым, мне бы хотелось особенно выделить одну. В совсем уже далеком теперь 1988-м году получилось так, что я расстался с первой своей женой после нашего не очень продолжительного брака. При этом – не очень-то просто, с разными волнениями и переживаниями... И вот, я в грустном и разбитом состоянии пришел домой к Сергею Юрьевичу. Он сочувственно (с первой моей женой он тоже был знаком) меня принял, усадил в кресло, сказал что-то теплое и хорошее, налил чаю.

А потом... Уважаемые господа психологи, вы все, конечно, очень умные и много всякого знаете. Но в тот момент едва ли кто-нибудь из вас сумел бы найти то самое нужное, что совершенно естественно получилось у Сергея Юрьевича. Он сказал: «Слушай, ты давай еще посиди, а я тебе поставлю тут одну пластинку». И поставил ... Сергея и Татьяну Никитиных. До сих пор хорошо помню, как под «Резинового ежика» я приходил в порядок и ощущал начало новой жизни...

Спасибо большое за того «Резинового ежика», дорогой Сергей Юрьевич!
И с замечательным тебя юбилеем!

Из всех естественнонаучников лучше всех археолога может понять, пожалуй, только геолог! Романтика поля, треск костра, открытие неведомого...

Е. М. Первушов

АНТИЧНОСТИ ПОСЛАННИК ...

– Так-так, молодой человек, осторожно. А эту вещичку мы у вас заберем...

С этими словами руки археолога осторожно и уверенно извлекли уже из моих рук иголку, изготовленную из ребра крупной речной рыбы. Эта находка случилась во время раскопок «культурного» слоя одной из стоянок наших предшественников на правом берегу Волги, в районе Змеевых гор.

С середины 70-х годов прошлого века полевые маршруты, которые организовывал Д. С. Худяков, были сопряжены то с археологическими работами на выявленных или предполагаемых стоянках, то с геологическими наблюдениями. Полевые этапы работ археологов и палеонтологов, по логистике, как сейчас говорят, во многом сходны. Да и по сути, и те, и другие ищут то, что сами еще не потеряли (из определений шоферов, участников полевых экспедиций). За прошедшие десятилетия, в полевых маршрутах по территории Среднего и Нижнего Поволжья, помимо образцов горных пород и фоссилий попадались находки очень крупных, грубых по обработке, палеолитических рубилищ, ажурных стрел и скребков неолита, керамика срубников, изделия Золотоордынского времени т.п.

Но переходные стадии эволюции человеческого общества и его культуры, заключенные между известными в Поволжье антропологическими данными и материалами региональных археологов, постигались по учебникам истории Древнего мира. Среди большого коллектива, в то время молодых сотрудников археологической



лаборатории Саратовского госуниверситета, несколько особняком формировалась личность Сергея Юрьевича Монахова.


Здесь надо пояснить, что в прежние годы многие геологи работали во многих районах некогда обширной страны, составляя геологические карты Южного Урала, Западного Казахстана, проводя поиск и разведку проявлений полезных ископаемых на территории Хамар-Дабана, Сихотэ-Алиня и т.д. – так называемые, «региональные геологи». Активно работали геологические тематические партии и на территории Поволжья и Прикаспия, составляя группу «местных геологов».

С. Ю. Монахов – региональный археолог, импортирующий археологический материал из далеких регионов России и полученные знания из временных этапов развития цивилизации, которые практически не представлены в Поволжском регионе. Наши судьбы и профессиональные деяния пересеклись довольно поздно, уже в зрелом возрасте.

Тесное, ежедневное общение случилось в очередной переходный этап университетской жизни. Совместно обсуждали и предполагали варианты разрешения вопросов учебного характера и стратегического свойства. Из «административного» этапа жизнедеятельности вышли с новым опытом, который с успехом применили в профессиональной сфере. Сергей Юрьевич организовал в Саратовском госуниверситете Институт археологии и культурного наследия и великолепный музей в его структуре.

В экспозиции музея представлены находки, сделанные во время раскопок на территории Северного Причерноморья, Херсонеса. Антиковед Монахов особое внимание обратил на амфоры – для нас это элементы искусства, произведения конкретных мастеров тех или иных античных городов, а для исследователя – признак уровня торгово-экономических отношений, культурных связей, существовавших в то или иное время. Морфологии амфор, изображениям и печатям на их внешней поверхности, веществу, из которого они были созданы и как располагались в трюмах судов, посвящены последние объемные, шикарно иллюстрированные монографии. Материалы исследований, посвященные материальной культуре античного мира, рассматриваются и в ежегодных научных конференциях, по итогам которых опубликованы межвузовские научные сборники «Античный мир и археология».

И музей, где представлены артефакты и иллюстративный материал по истории и географии мира античности, и научные конференции, посвященные



рассмотрению культуры и взаимоотношениям городов – государств античности – все это происходит не на островах Греции, Крита или Малой Азии. Это все представлено в Саратове, в Саратовском университете. Как бы сложно, какое бы продолжительное время все это реализовалось – оно есть, можно прийти и прикоснуться... В этом «импорте» научных и цивилизационных ценностей большая заслуга антиковеда С. Ю. Монахова.

Сергей Юрьевич, прими поздравления с наступающим юбилеем и пожелания меньше на него обращать внимания, новых замечательных находок на берегах Понта и Ойкумены, и новых монографий, посвященных культуре античного мира, изданных на волжских берегах.

Из чутких рук настоящего Учителя могут выйти не только камеральщики и археологи, но и ценители и знатоки искусства. Ибо основная задача педагога – научить учиться.

Э. Н. Белонович (Клюкина)

«К МОНАХОВУ ОПАЗДЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ!»



Далёкой осенью 1988 года началась моя студенческая юность. Сама атмосфера истфака СГУ лично меня по многим причинам приводила в восторг, а обращение ко мне маститых солидных профессоров на «Вы», ещё долго заставляло вчерашнюю школьницу оглядываться назад, недоумевая, а собственно к кому это И.В. Порох или В. Г. Борухович обратились? А вот этнографию у нас читал Сергей Юрьевич Монахов. Он же вёл и семинарские занятия. Он сразу запомнился своим «тонким-звонким» внешним видом, особым тембром

голоса с лёгкой холодноватой интонацией, которая перерастала в тонкую иронию, когда студент при ответе на вопрос нёс откровенную ерунду.

На первом же занятии Сергей Юрьевич дал чёткие установки, что к нему нельзя опаздывать, что он не терпит разболтанности. Я, любящая разрисовывать свои рабочие тетради разными виньетками и картинками, на первой же странице общей тетради в 96 листов, заведенной для семинарских занятий, красным стержнем записала это правило, да ещё и молнию добавила. А Сергей Юрьевич ближе к сессии возьми да и проверь наши тетради! Однако краснеть мне за неё

не пришлось – С. Ю. Монахов с интересом разглядывал мои перерисованные из книжек крестьянские дома, орудия производства, а также схемы, которые он приветствовал, призывая студента развивать в себе навыки структурирования материала. Тетрадь сохранилась в моём личном архиве.

Товарищи историки, а вот вы помните, кто такие айны? Это народец, живущий в Японии – любимый дополнительный вопрос Сергея Юрьевича на экзамене. Вот его то он мне и задал, а поскольку я за первый семестр это очень хорошо успела уяснить, то, разумеется, легко ответила. Этнография был первым экзаменом первой сессии первого курса. Я получила «пять», а вдобавок, учитель сказал, что если я в качестве прохождения летней археологической практики выберу Тарханкутскую экспедицию в Крыму, то он был бы рад меня видеть. Стоит ли говорить, что я вышла из кабинета просто сияющая от счастья, а поездка на практику в Крым незабываема!

Однако на втором курсе мы должны были определиться со своей дальнейшей специализацией. Второй курс – базовый курс истории Средних веков, в которых в те времена я чувствовала себя как рыба в воде, благодаря сильным образам классической мировой литературы, а моим кумиром был не много – ни мало Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, великий кардинал Франции. Вот с этими идеями я и пришла на кафедру средних веков к А. Н. Галямичеву, чем сильно его озадачила.

Наступила весна 1990 года. Плели свои нити Мойры... И вот моя подруга Юлия Дружкина, которая выбрала семинар В. Г. Боруховича на кафедре истории Древнего мира, сообщает мне просто сногшибательную новость: Сергей Юрьевич в этом сезоне едет с практикой на остров Березань и берёт с собой ещё несколько человек – спецсеминаристов кафедры. Это был удар! Дело в том, что для меня остров Березань уже тогда не был каким-то там неизвестным понятием. Я помнила тот факт, что на острове в марте 1906 года был расстрелян лейтенант П. П. Шмидт, и ещё в школе зачитывалась книгами о нём. К примеру, есть такая книга для детей о Шмидте Геннадия Черкашина «Клянусь землёй и солнцем», а в ней глава: «Горькие травы Березани». Что же делать то? И что, я не поеду на Березань? Этого не может быть! И я решилась идти на переговоры к Сергею Юрьевичу в лабораторию, которая тогда находилась в пахнущем плесенью старом общежитии на улице Кутякова. Вот интересно, как продолжать разговор, когда на твой робкий вопрос, можно ли попасть в этом году в античную экспедицию, ты

получаешь строгий ответ: «Мест нет»? Но я как-то разговор продолжила, и С. Ю. сказал мне зайти в июне. Я заходила в начале месяца и получила совет зайти в конце. А дальше – цитата из моего студенческого дневника: «25 июня 1990. В самый последний момент Монахов взял меня в экспедицию на остров Березань. <...> Сегодня я и Дружкина идём в археологическую лабораторию. Юлька спрашивает Сергея Юрьевича о том, как лучше взять билеты в обратную сторону, они говорят две минуты, в течение которых я стою и жду своей участи. Наступает пауза... Монахов кладёт мне руку на плечо, пристально и в то же время очень добро смотрит мне в глаза и говорит:

«- Ты, Чижик, пришёл узнать...

Пауза.

- Ну чем я тебя могу обрадовать?

Тут он полез в свои записки, я стою, изо всех сил стараясь не заплакать.

- Ну... бери билет! Бери билет.

Пауза. Сергей Юрьевич отходит к рабочему столу. Мы с Юлькой обнимаемся и вопим:

- Ур-ра!!!

- Вы что с ума сошли!? Идите отсюда, – говорит Монахов и смеётся, кричит нам в след, – Третьего в два часа общий сбор!»

Так я впервые в небольшой компании своих товарищей приехала в Одессу, оттуда морем на комете в Очаков, а из Очакова на вечернем ОМике – прогулочном кораблике на остров Березань. Тогда в качестве пристани к острову использовалась старая баржа. Сейчас её останки – пристанище бакланов. А тогда от неё на крутые обрывистые берега острова вёл подвесной деревянный мост. Никогда не забуду, как впервые я ступила на эту баржу, на этот мост, а в лучах заходящего солнца появился тонкий силуэт учителя – он встречал нас, приехав вместе с основным составом практикантов днём раньше. Вот так саратовские студенты оказались в составе археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань.

Сергей Юрьевич нас многому учил. Мы терпеливо корпели над развалами разбитых амфор, пытаюсь собрать осколки в единое целое для последующей реставрации. Он объяснял навыки фиксации фрагментов керамики в полевых условиях – работа важная, ответственная, а для молодых лет так ещё и не самая

любимая, так как она лишала рисовальщика весёлой атмосферы раскопа. Но в том, что касалось дела, Монахов был строг и непреклонен.


В выходные дни весь Саратовский отряд отправлялся в небольшие путешествия. Мы побывали в Ольвии, в Никонии, в Роксоланах, объездив заповедные уголки Николаевской и Одесской областей. И все мы чувствовали отеческую заботу и теплоту Сергея Юрьевича, которые часто проявлялись в бытовых эпизодах, да и просто шутках. А уж описание разных курьезных, а иногда драматических случаев, происходивших с нами в экспедиции, потребует дополнительных печатных объемов.

Первый березанский сезон оказался для меня судьбоносным – осенью 1990 года я перешла на кафедру Древнего мира. И совершенно неожиданно для себя начала постигать науку, как отличить амфоры Хиоса от амфор Клазомен, как датировать археологические комплексы и даже корпеть над переводом статей с английского языка. Одно мое «детище» – отреставрированная милетская амфора находится в музее археологии СГУ. В итоге мой диплом был связан с комплексами Березани, и работа над ним доставила мне большое удовольствие. Я получила фундаментальные методологические навыки работы с материалом, что впоследствии помогло мне, казалось бы, в другой области – атрибуции произведений искусства.

Впереди были ещё три экспедиции, последняя – в год окончания университета в 1993 году, когда учитывая тогдашние смутные времена, перестройки или развала всего и вся Сергей Юрьевич повёз практику в какую-то деревушку в Сумской области. Лагерь наш был в лесу, лето было дождливым, памятник в отличие от роскошных античных городов казался мне по молодости лет очень бедным.

Судьба часто испытывает человека. Несмотря на большое желание остаться в университете, продолжить карьеру археолога, мне по разным причинам и житейским обстоятельствам это не удалось. Однако это стремление во многом поддерживало меня в житейских штормах и сумятицах, когда приходилось выкручиваться, как умеешь. Как могла, я старалась не терять связь с Сергеем Юрьевичем, родилась дочка, но по счастью дома уже был компьютер – я для учителя переводила в электронный вариант рукописные статьи.

В 1999 году Сергей Юрьевич подписал мне свою книгу с надеждой когда-нибудь получить в ответ уже мой труд. И это сбылось – в 2020 году, правда, было связано не с археологией, а с историей русского искусства, так как с



2001 года я стала сотрудником Радищевского музея. Это книга «Венок Виктору Борисову-Мусатову» – результат коллективной работы, в которой много и моего личного труда.

Археология же продолжает занимать большое место в моей жизни. С 2010 года я волонтер античных экспедиций Государственного Эрмитажа. И уже в это моё «новейшее время» я провела девять сезонов на острове Березань и один на хуторе «Вестник» Анапского района, выполняя те самые «непопулярные», но такие важные полевые чертежи, помогая коллегам в зимнее время с подготовкой отчётов о прошедшем сезоне.

Мои товарищи прекрасно знают, что я училась у С. Ю. Монахова, его ученица. И это здорово, что 21 августа я каждый раз могу позвонить из полевого лагеря своему учителю и поздравить его с Днем рождения.

Как же живет личность масштаба Сергея Юрьевича? Из чего складывается день ученого мужа? Кто об этом может рассказать лучше соседа?!

В. А. Митрохин

ОДИН ДЕНЬ В СЕНТЯБРЕ...



Хорошо известно, как важно оказаться человеку в нужное время в нужном месте. Именно тогда изменчивая Фортуна раскрывает свои сладостные объятия, влечёт за собой и даёт шанс... Конечно, на лучшее будущее. Никак иначе! Однако здесь есть одно «но» - не дано человеку предугадать и это время, и уж тем более место.

По иронии судьбы, в начале 2000-х мы, вместе с С. Ю. Монаховым оказались в одном месте по адресу Вольская 18/3. Пройдя определённую часть жизненной дороги, набив шишек, защитив диссертации, пережив взлёты и падения, мы стали соседями в одном из «аулов» легендарного университетского общежития № 3.

Ностальгия... Это, пожалуй, самое яркое чувство, связанное с этим непростым и, всё же, счастливым временем. А память? Память настойчиво пытается восстановить события давно минувших дней, воспроизвести их по часам и минутам.

Примерно так...

2003 год. Сентябрь.

8.00.

Просыпаюсь от нетерпеливого топота собачьих лап. Это Лонг, наш четырёхлапый друг породы ризеншнауцер. Он такой же чёрный, как смоль, усатый и статный как его хозяин – С. Ю. Монахов. Хорошо известно, что собаки и их хозя-

ева, в ходе длительного общения, становятся похожими друг на друга. Это как раз про моих соседей.

Далее – неудержимый псиный восторг по поводу того, что босс всё-таки нашёл силы подняться после вечернего застолья, чертыханье Монахова, лязг собачьей упряжи... Судя по всему, почти 70-килограммовый кобель в порыве нетерпения и благодарности едва не снёс профессора с ног. Тишина. Похоже, парочка покинула наши «апартаменты» и у меня есть ещё полчаса утреннего сна. Впадаю в забытие с мыслью: «Везёт же некоторым! Вот, например, этому кобелю с хозяином!..».

9.00.

Вновь просыпаюсь. Теперь уже от громкого призыва: «Володя, завтракать!». Конечно, проспал! Взбодрённый утренней прогулкой Монахов уже сварил сосиски, накрыл на стол. Ждут только меня. Едва продрал глаза, виновато бреду на нашу кухню. Мой сосед, как водится, в начале дня угрюм и неразговорчив. Упрёк вижу даже в чёрных глазах Лонга...

Самое время, дорогой читатель, затронуть тему коммунальной жизни и общей кухни. Сколько талантливого и искромётного про это написано! Здесь и Михаил Зощенко, и Аркадий Аверченко, и Михаил Булгаков, другие звёзды нашей литературы! Со временем тема наполнилась какой-то особой советской романтикой: казённое имущество, битвы за место на кухне в час пик, удобства где-то на этажах и т.д., и т.п. Сказано практически всё!

Всё, да не всё! У нас особый случай. Мы темпераментами не сошлись.

Для Монахова утренний приём пищи – физиологический акт, необходимый для поддержания жизненных сил организма, снабжения его необходимыми калориями и обеспечения метаболизма. Он всё делает быстро, в режиме спринтерской дистанции, привнося дополнительную нервозность в и без того беспокойное утро. Лонг, подражая беспрекословному авторитету, ведёт себя аналогичным образом. Порой возникает ощущение, что они соревнуются друг с другом!

И тут в проёме кухонной двери появляюсь я. Весь в утренней неге, «когда ещё не сняты чары сна». А тут эти двое. В очевидном численном и энергетическом преимуществе...

Велико желание в который раз заявить, набившую оскомину, позицию о неприятии утренней гонки и завтрака впоыхах, пользе размеренности и степенности при приёме пищи. В голове роятся мысли о здоровом питании и, конечно,

легендарное «ты есть то, что ты ешь». Старик Гиппократ наверняка вразумлял подопечных и про то «как следует есть». Мы просто подзабыли...

Всё это бесполезно. Завтра всё повторится.

Покорно беру вилку и тут...звонк телефона. Монахов сначала вскипает, но поняв суть дела, терпеливо ждёт. «На проводе» декан мехмата Л. Ю. Коссович. Он звонит каждый день. Ровно в 9.00. Очень организованный человек. Дело в том, что в университете в самом разгаре кампания по выборам ректора. По-настоящему состязательная и агрессивная. Всё протекает по законам жанра – с компроматом, скандалами, предвыборной истерией и угрозами уголовного преследования. Занятие – не для слабонервных. У декана Коссовича, как одного из соискателей власти, очень серьёзные противники, и я (разумеется, не только) оказываю ему посильную помощь.

После завершения разговора сверяем с Монаховым карты по части происходящего в СГУ и за его пределами, оцениваем шансы кандидата, пути и инструменты достижения искомого. Разговор клеится, потому как собеседники (я и мой *alter ego*) совсем не равнодушны к судьбе *alma mater*. К тому же, Сергей Юрьевич, будучи человеком здравым, глубоким, прекрасно знающим университет, является бесценным советчиком. В добавление ко всему – собеседник от Бога!

Никто не помышлял тогда, что здесь, на коммунальной кухне студенческого общежития, сидят два будущих проректора. Это время придёт через два года и станет суровым испытанием и проверкой для нас обоих. И не только! А пока...

А пока там, за окном, скупое сентябрьское солнце с трудом пробивается сквозь редеющие кружева разноцветной листвы. Чудный, тёплый сентябрь! Природа неторопливо и величественно делает свою работу, невзирая на человеческие страсти...

На сей раз утро прошло по моему сценарию. Но завтрак сорван, сосиски остыли и что-то будет дальше.

10.00.

Стук в дверь. У нас гости. Пришла аспирантка Наташа.

После окончания исторического факультета в 2000-м году Наташа увлеклась исследованием государственного строительства в греческих колониях Северного Причерноморья. Интересная, актуальная по сей день тема, предполагающая обращение к непростым источникам. Здесь требуются и знание языков, и, разумеется, высокая самоорганизация, въедливость, упорство. Однако, всего

этого недостаточно, если будет отсутствовать важнейшая слагаемая успеха – грамотное научное руководство.

Здесь Наташе повезло. Её наставником стал профессор Монахов. И сейчас состоится, если угодно, таинство – общение ученика и учителя.

Да, именно творческий тандем двух неравнодушных людей даёт шанс (!) на продвижение по тернистой дороге изыскания исторической истины. Много факторов должны сложиться воедино, чтобы это продвижение состоялось и было успешным. Совершенно необходимы здесь и должный уровень подготовки соучастников проекта, и научная интуиция, и разумная спонтанность. Далеко не последнюю роль играет психологическая совместимость и сопутствующая ей эмпатия. Со стороны научного руководителя она предполагает сопереживание эмоционального состояния своего подопечного, активное включение в его творческий научный поиск.

Не у всех это получается, а вот Монахов здесь неподражаем! Могу судить об этом на основании собственного опыта. Так, оказывая мне помощь в подготовке монографии, он целиком и полностью погрузился в проблематику мало знакомой ему темы русской эмиграции, живо и заинтересованно реагировал на ход исследования, давал точные и грамотные рекомендации (совершенно не случайно на 280-й странице книги указано его имя). Что уж говорить об учениках!

Существует ещё одно обязательное требование к научному руководству соискателя – наставник всегда должен идти в ногу со временем. В начале 2000-х это предполагало, в том числе, знание компьютера, владение актуальными на тот момент информационными технологиями. Справедливости ради следует отметить, что С. Ю. Монахов раньше других освоился в этом пространстве и уверенно использовал обретенные знания при подготовке специалистов-историков.

А что же Наташа? У неё, конечно, всё получится! В 2004-м году она успешно защитит кандидатскую диссертацию, а после основания в 2008-м году Института археологии и культурного наследия вольётся в дружный, хоть и небольшой, коллектив этого научного подразделения СГУ. Со временем Наталия Борисовна Чурекова, вместе с ещё одной замечательной ученицей профессора Монахова, Еленой Владимировной Кузнецовой, будет соавтором потрясающих изданий, которые станут настоящим прорывом в отечественном амфороведении.

А сейчас я удаляюсь в свою «келью», а Сергей Юрьевич и аспирантка уединяются в «кабинете». Научное «священнодействие» в самом разгаре.

12.05.

IV корпус СГУ. У С. Ю. Монахова встреча со студентами. Лекция. Предмет внимания сегодня – история древней Греции.

Хорошо известно, даже для малоискущённого человека, что лекция в классическом вузе должна соответствовать академическим стандартам университетского образования. Эти стандарты сохраняются незыблемыми на протяжении десятилетий (если не столетий!), несмотря на «инновации», ненавистный «Болонский процесс» и нескончаемую суету чиновников от образования.

В идеале в ней должны присутствовать научность, доступность, единство формы и содержания. Много ещё чего должно присутствовать. Всё так. И всё же хорошая лекция – это всегда штучный продукт и неповторимый авторский стиль.

Лекции профессора Монахова – как раз тот случай.

В работе со студенческой аудиторией он никогда не скрывает своего естества, а потому присутствуют здесь и вдохновение, и искренние эмоции, и крепкое словцо в адрес нерадивых. Это органично сочетается с мастерским владением русским литературным языком, выверенной логикой, разумной апелляцией к собственному практическому опыту. В дополнение ко всему профессор «чувствует» аудиторию, оперативно реагирует на её настрой, поддерживает интерактивный контакт.

На мой-то взгляд (наверняка, субъективный) в своей работе с молодёжью С. Ю. Монахов восходит к лучшим традициям русской педагогической школы. Лекция для него – не просто передача некоего объёма накопленных знаний, а в первую очередь воспитание, формирование личности будущего специалиста.

Целенаправленно это делается или по наитию? Не знаю. Очевидно одно: близкое общение с профессором способствует выстраиванию ясного мироощущения, картины мира, если угодно. Возможно, это именно то, что М.А. Булгаков, устами своего героя, называл преодолением «разрухи в головах».

Есть, правда, на этот счёт и другие мнения. Злые языки поговаривали, что в своём устремлении к перфекционизму Монахов излишне строг, категоричен, а зачастую (о, ужас!) демонстрирует диктаторский нрав. В общем, совсем не конформист-коучер западного образца. Типичным проявлением авторитаризма, например, называли категорический запрет появления кого бы то ни было в аудитории после начала занятия. Некоторые утверждали, что он и ключами мог запустить...

Не исключаю, что было именно так. Тем не менее, мне неоднократно приходилось видеть профессора совсем в ином качестве, а именно: дружелюбным, открытым и отзывчивым в общении со студентами, невзирая на разницу в возрасте. Здесь нет места высокомерию, зазнайству. Он прекрасно понимает: молодые люди не хуже и не лучше нас. Они просто родились в другое время. Дальше – больше: Монахов никогда не стеснялся учиться у своих подопечных и даже признавать свою неправоту. Особенно, если дело касалось сферы научных интересов. Это при его-то честолюбии!

«Уча – учись», как-то справедливо подметил Сенека. Увы, не каждому это дано. Скажу «крамольную вещь», возможно именно здесь наиболее ярко проявляется истинный университетский демократизм широкой природы С. Ю. Монахова. И, похоже, именно здесь следует искать истоки признания и любви студенческого сообщества к нему на протяжении многих десятилетий.

Во всяком случае, так это виделось в далёком 2003-м году. По истечении почти двадцати лет я не поменял своего мнения.

15.30.

Заседание кафедры.

Никогда не присутствовал на подобных форумах у историков, но думаю, что всё протекает по накатанной колее: обсуждаются насущные вопросы образовательной деятельности, научное и методическое обеспечение учебного процесса. В общем – всё как обычно. Стараниями заведующего, профессора В.Н. Парфёнова, кафедра истории древнего мира, кстати, старейший факультетский коллектив, спокойно и размеренно следует в фарватере устоявшейся университетской жизни.

С. Ю. Монахов же, после двух пар лекций, скорее всего, пребывает в лёгкой полудрёме. Это то самое благодное состояние души и тела, когда понимаешь, что большую часть дневной работы ты уже выполнил, но впереди ещё много интересного. Можно расслабиться. К тому же автоматом срабатывает привычка, сложившаяся за годы пребывания на партийных и профсоюзных собраниях прошлых лет.

Да, завидное это время дня – с 15.30 до 17.00...

Наш герой пока не знает, что скоро, совсем скоро, по историческим меркам, ему придётся возглавить эту самую кафедру и тогда уже подремать не получится...

А сейчас его душу греют мысли о скором визите в саратовскую хореографическую школу «Антре», где директорствует наш приятель Игорь Перепёлкин.

Там Сергея Юрьевича всегда ждут.

18.00.

Школа «Антре». Улица Лермонтова.

Не изумляйтесь, дорогой читатель, но мы вновь попадаем в пространство древности! Ведь история человечества – это, в том числе, история танца и его магического воздействия на людей.

Дошедшие до нас источники (наскальные рисунки, например) с высокой степенью вероятности позволяют утверждать, что танец, с первобытных времён – ярчайшее проявление социальной активности. Используя собственное тело в качестве инструмента (жесты, пластику, мимику) человек издревле, как мог, выражал отношение к окружающему миру, своё душевное состояние. Были здесь, похоже, и моления о плодородии, дожде, и охотничьи ритуалы, и хороводы для изгнания злых духов, наконец, погребальные и церемониальные танцевальные обряды. Тоже, наверняка, были.

Менялось человечество – менялись смыслы и предназначения танцевальных культур. Претерпевал изменения, под влиянием различных обстоятельств и сам «язык тела».

Важные сведения об эволюции танца можно почерпнуть из античных источников. Так, например, легендарный Гомер в «Илиаде» описал хоровод, а в «Одиссее» – мужской дуэт на фоне танцующих юношей. Лукиан оставил нам целый трактат – «Диалог о танце». Описания танцев можно встретить у Аристотеля, в трагедиях Эсхила, Софокла, Еврипида. Даже в комедиях Аристофана.

Не вызывает сомнений, что для наших великих предшественников танец – это не только красота, гармония, изысканность, но и страсть. Конечно!

С той далёкой поры мало что изменилось. Здесь в «Антре» даже в воздухе чувствуется и звенит напряжение танцевального творчества, поиска новых, нетрадиционных форм самовыражения, сюжетов, хореографической лексики. В общем, всего того, что сегодня принято называть модерном.

Однако мы здесь не для того, чтобы танцевать. Краем глаза, дабы не мешать педагогам и учащимся, успеваем взглянуть на репетицию и направляемся непосредственно в директорский кабинет. Здесь нас встречает улыбчивая, рыжеволосая, голубоглазая дама. Это Елена Меглинская, правая рука И. А. Перепёлкина в

управлении учебным процессом, завуч и, можно сказать, «душа» хореографической школы. Именно она, больше других, сегодня ожидала гостей из СГУ.

Пьём чай и ведём неспешную беседу: последние новости университетской жизни, проблемы воспитания молодого поколения, кулинария, к которой пристрастились некоторые из присутствующих. Всё чинно, благородно. Однако невидимо присутствует во всём происходящем какой-то особый, имманентный дух, витальная энергия двух начал: мужского и женского. Этим буквально пропитана атмосфера дискуссии!

К гадалке не ходи: Монахов и Меглинская равнодушны друг к другу. Это чувствуется по заливистому, счастливому смеху Елены, приглушённому голосу и горящим глазам Сергея. Судя по всему – это всерьёз и надолго.

Так и получится. Их разлучит лишь нелепая смерть Елены в 2013-м году.

20.00.

Улица Вольская. Общежитие № 3.

Мы вновь в «родных пенатах». На сей раз собрались втроём (классика!). Компанию дополнил Сергей Васильевич Картагузов, боевой офицер, прошедший не одну «горячую» точку, наш друг и единомышленник.

Пора бы и поужинать! Вечерняя разблюдовка по-мужски проста: картошка, огурцы, водка. Есть, правда, кое-что экзотическое: заморские сладости и дивные морепродукты доставил к столу из последней командировки наш гость.

Однако, не суть что на столе, главное – что на душе. А душа ликует! Это неподдельная радость от встречи с друзьями. И как тут не вспомнить нетленное гоголевское: «Нет уз святее товарищества!»

Говорим, как всегда, о судьбах страны и мира, вспоминаем мрачные 90-е, трагедию бывшей Югославии, где по служебной надобности приходилось бывать офицеру российской армии Картагузову. И конечно, по традиции, провозглашаем тосты (в чём в чём, а в этом мы преуспели). Один из них и, пожалуй, главный: «За Родину!».

В памяти воскресает любопытное наблюдение моих американских друзей о том, что «русские в моменты застолий обращаются к категориям мессианского порядка и мыслят планетарно». Наверное, они правы. Одно уточнение – не только во времена застолий. Менталитет русских выковывался под влиянием гигантских евразийских пространств, освоенных предшествующими поколениями, ве-

ликой истории, культуры, сложном взаимодействии с другими народами. Оттого, наверное, мыслят и общаются они особо, по-русски.

Нельзя не отметить, что и антураж, и сама неповторимая атмосфера профессорского жилища как нельзя кстати дополняет наш разговор. И это не только потому, что вокруг много пыли, собачей шерсти, а в воздухе – устойчивый запах «Беломора»! Бросается в глаза неисчислимое количество книг, собранных за десятилетия. Сергей Юрьевич много читает, а потому, помимо специализированной литературы, в его библиотеке наличествуют издания по российской и мировой истории, художественная литература, детективы.

На стенах фотографии родных и близких С.Ю. Монахова, его замечательных предков. Вот родители – Юрий Фёдорович и Клара Петровна. Они верой и правдой служили Отечеству, воспитали и отправили в большую жизнь троих детей.

А вот фотография крепкого мужчины (опять же с горящими глазами!) в военно-морской форме. Очень похож на моего соседа! Это Фёдор Фёдорович Монахов – дед Сергея Юрьевича. Он служил на Балтийском флоте, а также в Волжской флотилии в суровую годину Сталинградской битвы. Поколение Победителей! Низкий им поклон!

24.00.

Сергей Васильевич Картагузов начинает собираться. Как жаль! Ещё столько не сказано...

Увы, этот день подошёл к концу. Завтра будет новый.

Сколько их ещё впереди?..

У аспирантки Наташи несколько иные воспоминания о событиях тех дней, особенно о времени начала работы утром... Но не об этом ей хочется рассказать!

Н. Б. Чурекова

ОБЫКНОВЕННЫЙ – НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МОНАХОВ




Хочется, конечно, начать свой рассказ со слов «во времена оные», «как-то раз», словом, – «жили-были»... Но нет, не идут в голову эти слова, когда думаешь о С. Ю. Возможно от того, что не просто большая часть жизни связана с ним, а почти каждый день этой жизни проходит с ним бок о бок. Вот и получается, что такой необыкновенный для всех, для нас он просто Монахов: шеф, друг, старший товарищ и в чем-то даже «папа».

На страницах этого сборника, разумеется, все будут поздравлять юбиляра, вспоминать истории «я и Монахов» или «Монахов и я», найдутся и рассказы, в которых будут обозначены основные вехи его биографии. И здесь опять же можно было бы сказать, что жизнь его похожа на судьбу обычного советского человека: родился, учился, женился, работал... А между тем, среди самой романтической профессии С. Ю. умудрился выбрать одну из наиболее сложных и в чем-то нудных тем, – чтобы заниматься амфорами необходимо иметь огромное терпение (чего в обычной жизни, кстати, за нашим юбиляром не наблюдается). Иногда кажется, что кроме амфор ничего его не интересует: нередко мы слышали фразы из разряда «я в этом городе не был, потому что амфор там нет»... И вместе с тем, натура он страстная и увлекающаяся, но при этом во всем он создает серьезную теоретическую основу. Если это охота или рыбалка, то С. Ю. – знаток зве-

риных повадок: телевизионные передачи и книги по этой тематике изучены им фундаментально, и не важно, что часто случалось, как пишут в титрах: «при съемках фильма не пострадало ни одно животное». Неудачи его никогда не останавливали. Скрупулезный подход у нашего юбиляра проявляется практически всегда.

Не секрет, что археологи – натуры весьма склонные к различного рода искусствам, кто-то поет, кто-то играет на гитаре, некоторые рисуют или даже пишут стихи – ничего такого С. Ю. делать не умеет и сам не раз в этом признавался. Но, как и подобает теоретику, читает, слушает и смотрит он все эти «художества» с большим интересом, а зачастую и со знанием дела. Одной из отличительных черт С. Ю. всегда была великолепная память, конечно, она довольно избирательна: он, например, помнит амфору, зачерченную им лет 40 назад и не помнит пароль от почты, который в очередной раз вчера восстановили, и он его ввел только что. И вот удивительным образом в его памяти сохраняется все или почти все, что произвело на него впечатление. С удивлением я обнаружила, что С. Ю. помнит, какие полотна некоторых художников, в основном маринистов, висят в Радищевском музее и даже на каком месте. Именно про это его увлечение я и хотела бы рассказать, так как на меня это в свое время произвело сильное впечатление.

Когда-то я про себя отметила, что Монахов с интересом относится к творчеству Айвазовского, особенно ему нравилась работа «Исаакиевский собор в морозный день» и ее маленькая репродукция до сих пор висит у него на стене – все дело в ее необычности для мариниста Айвазовского. Будучи в Евпатории, естественно, у нас с Леной возникла мысль пойти в его дом-музей, и мне казалось, что С. Ю. должен тоже позитивно воспринять эту идею. Но не тут-то было, включилась его любимая отговорка про отсутствие амфор и, надо сказать, уговорить его было непросто. Но, не желая выпускать нас из-под своего строгого надзора, пришлось ему пойти. Стоит отметить, что евпаторийский музей имеет не самое богатое собрание полотен Айвазовского, но расположен в его доме и помимо самих картин там представлено много экспонатов, рассказывающих о жизни художника. В отличие от нас, С. Ю. был неплохо осведомлен о жизни и творчестве Айвазовского, но один факт был ему тогда неведом и, естественно, именно он и произвел на нашего юбиляра наибольшее впечатление. А факт этот состоял в том, что Айвазовский женился во второй раз уже в весьма преклонном



возрасте на довольно юной особе. Но нас тогда такое восхищение С. Ю. Айвазовским не сильно удивило, ибо, как я уже говорила, юбиляр наш – человек страстный и любовь к женскому полу может у него затмить только любовь к тарной керамике...

Второй случай, удививший и даже восхитивший меня, произошел на конференции в Саратове, когда мы снимали пансионат «Сокол» и, естественно, кулуарная часть мероприятия была непременно продолжением заседаний. У С. Ю. был довольно большой номер и в один из дней у него, по стечению обстоятельств, собрались человек 10 коллег и из них почти все были женского пола. В общем, С. Ю. был гостеприимным хозяином, развлекающим прекрасных дам. Обсуждали, как всегда, многие вещи, в основном профессиональные, но среди тем возник Радищевский музей, который гости нашего города, то ли уже посетили, то ли им это только предстояло сделать. И вот С. Ю. с совершенным знанием дела стал повествовать о самом музее, о А. П. Боголюбове, о маринистах вообще и в конечном итоге речь зашла о пейзажисте Федоре Васильеве. Признаюсь, тогда я о нем услышала впервые. На удивление С. Ю. рассказывал не только о его биографии, кстати, довольно подробно, но и характеризовал его творчество, говорил о Шишкине, Крамском, Репине. И не только я, но и остальные дамы слушали его с большим интересом и удивлением.

Именно тогда я окончательно поняла, что Монахов все-таки человек необыкновенный, потому что уже даже, казалось бы, зная о нем, конечно, не все, но многое, он частенько преподносит нам сюрпризы и за твердой керамикой иногда проглядывает искристое вино.

Творческие люди всегда смогут найти общий язык и получать удовольствие от общения. Даже если они так непохожи и занимаются такими разными, на первый взгляд, вещами как археология и хореография.

И. А. Перепёлкин

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ БЫВАЮТ...



Началось всё с Марка Пинхасика, когда мы жили душой в клубе СГУ с теми, чьи имена сегодня золотыми буквами написаны на стенах разных факультетов СГУ. Именно там Владимир Митрохин познакомил меня со своим другом Сергеем Юрьевичем Монаховым. С этого и началась моя личная история по изменению жизни и оценки её. Ни много, ни мало...

Мы как-то легко и сразу перешли на «ты», хотя, где я, а где он.... Он сразу стал близок мне в той части души, куда я никого не допускаю. В школу мою, к людям моим. А он в семью свою меня к маме и папе, детям... Мало таких людей, которым хочется сказать: «Приходи, дверь всегда открыта для Тебя. Ничего не жалко». Но это когда Великий приходит. А вот когда он тебя в свою жизнь впускает... Это твою жизнь переделывает. Совсем. Целиком. Это, как на Олимп духа подняться. И не в званиях, степенях, достижениях суть... Это на уровне души, личности.

Мы подружились. Он нашёл что-то во мне или у меня в окружении. Мы все вместе были счастливы. Долгое время... Не всегда бывает счастливо бесконечно... Но мы всегда хотя бы умели ценить каждую встречу, каждую минуту, изда-

лека были рядом с самыми близкими нашими друзьями... Были большие праздники. Были и тяжёлые потери...

Кстати, он всегда оказывался прав в оценке людей. Но разве мы слушали... Короче, один эпизод. Всего лишь....

Тогда мы проехали всё побережье Таманского полуострова. Даже не о музеях говорю – одним его именем открывались все музеи – говорю о раскопках. Маленькие кувшинчики, которые отправлялись прямо в Эрмитаж по совету Монахова. И везде на всех археологических партиях Таманского побережья Сергея Юрьевича встречали как Мастера, учителя, советчика.

А вот когда тазовые кости доисторических слонов и носорогов археологи использовали как пепельницы, я, биолог, взбесился! Тогда Сергей мне объяснил, что костей животных много, а истории человека по крохам. И маленький кувшинчик, это уровень Эрмитажа.

В одном месте была интересная криминальная история. Раскопали 2000-летнюю амфору с маленьким человеком внутри. Там питерцы копали. Кто, что, как? Вот вам детектив. Но спросите Монахова. Он знает!

Другой эпизод. Мы сидим на склоне горы и смотрим на заходящее Солнце. Море красное от Солнца. Конечно, пьем красное Фанагорийское вино и совсем уже о душе разговор. Этого нельзя передать...

ЖИВИ ДОЛГО И БУДЬ ЗДОРОВ, МАСТЕР. О тебе можно книги писать при жизни. Лучше бы при жизни и за хорошей бутылочкой Фалерно или Цекубо.

Сколько студентов проходит через преподавателя за десятки лет. Сотни? Тысячи? Одни запоминаются на всю жизнь, про других никогда и не вспомнишь. Но встречаются и те, которые становятся твоими соратниками, смотрят в одну с тобой сторону, мыслят близкими тебе категориями.

И. И. Кузнецов

С.Ю. МОНАХОВУ: УЧИТЕЛЮ, ИСТОРИКУ, ЧЕЛОВЕКУ, ДРУГУ...



«Ваше Благородие, господин Монахов,
А на этнографии мы натерпелись страху,
Кто бы мог подумать, что в Африке Тунис,
А в Китае палочками поглощают рис...»¹

Первое знакомство: человек-загадка, жесткий троллинг и как соединить географию с историей без последствий для зачетки...

Любой кто мало-мальски не чужд культуре слова скажет – «как может быть знакомство первым, вторым ... ?». Ясно же: знакомятся однажды, а все, что потом – возобновление общения, новые встречи и т.п. Но жизнь устроена, так что каждый раз можно заново открыть человека в каком-то неожи-

¹ Исполняется обычно после тоста за истфак в любой приличной кампании, знакомой с особенностями образования в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского начала 1990-х гг. На мотив песни из советского вестерна «Белое солнце пустыни» (1969–1970 гг., режиссер – В. Мотыль, в роли таможенника П. Верещагина заслуженный артист РСФСР, ветеран Великой Отечественной войны П.Б. Лупекаев).

данном ракурсе, да и самому предстать перед ним совершенно иным спустя время. Именно так у меня и вышло с С. Ю.

На первом курсе истфака СГУ в 1990–1991 году он читал курс «Этнографии». Мы все, желторотые перваки, уже слегка оклемавшиеся после первой сессии, успешно или кое-как сдавшие «Историю первобытного общества» (В.Г. Миронов), «Историю Древнего Востока» (Т.П. Кац), «Археологию» (Е.К. Максимов), были в предвкушении новой важной вехи на своем профессиональном пути. Подогреваемые весьма достоверными рассказами тех, кто дважды (а некоторые, особенно талантливые и настойчивые, и более) сдавал «этнографию» С. Ю., мы готовились решительно и бескомпромиссно одолеть и этот рубеж. Как скоро выяснилось, для этого пришлось еще и серьезно потрудиться: помимо посещения всех лекций и семинаров пришлось отработать немалый объем литературы. Конспект того курса в общей тетради (формата А4, были такие для бухучета, в клеточку и под 96 листов) до сих пор у меня хранится. Да что там! Используется, так как тогда писал цветными ручками, выделяя темы-заголовки-понятия, да еще и весьма подробно фиксировал речь Монахова. А это был для нас целый космос понятий, имен, фактов и концепций. Именно тогда, от С. Ю. мы твердо уяснили: все многообразие народов и культур планеты невозможно вместить в рамки одной классификации (будь то этническая, лингвистическая, хозяйственно-культурная или какая-либо другая). Да и представления о том, где, как и чем живут народы, какие исторические, социокультурные условия определили их место и роль в современном мире мы, по сути, получили именно на этих занятиях. Мир внезапно оказался не просто разнообразным и взаимозависимым, но наконец-то с объяснением, почему это так. По крайней мере, с возникшей в голове непротиворечивой картиной факторов и условий этого многообразия и взаимозависимости.

Человек-загадка. Это не просто фигура речи. С. Ю. всегда умел производить нужное впечатление, и если сейчас такой навык «ставят» некоторым недоделанным «менеджерам» на курсах «личного лидерства» и прочей персонально-психологической прокачки, то в его случае мы имеем стопроцентную органику! Вообразите себе, что впервые вы увидели человека, который:

- произносит незнакомые вовсе или малознакомые понятия каждые 2–3 минуты своей крайне логичной, убедительной, дидактически выверенной речи;

- без сверки с конспектом (не было тогда всех этих гаджетов под рукой и этих ваших интернетов!) может в течение полутора часов последовательно излагать особенности языковой карты Кавказа или Средней Азии (Ближнего Востока, Африки и т.п., можно поставить любое направление...), попутно объясняя исторические условия формирования полиэтничной картины региона с массой ярких примеров, иллюстрирующих нюансы;

- предпочитает вести занятия так, что ни у кого не возникает желания отступить от намеченного им пути и последовательности работы, не исчезает необходимая, верная дистанция с преподавателем, но при этом всегда находится возможность для того, чтобы задать вопрос и получить компетентный ответ.

Вдобавок ко всему, этот чел еще и выглядит как настоящий профессор, строго и опрятно одет, шевелит смоляными усами и фактурно закуривает «Беломор» в перерыве. В общем – краса и гордость факультета, девки вздыхают и подыхают от тоски (почему-то точно знали – юбка или декольте, либо то и другое одновременно не помогут на экзамене – очень уж строг, придирчив, педантичен!).

Итого: пришел-увидел-победил... Так и было. Пришел Монахов. Объявил, что будет тяжело, сложно, трудозатратно. И все поверили. Или почти все. Или сделали вид, что поверили и стали искать обходные пути... Кстати с этими путями, как водится, не получалось. С другими преподами – было, поддавались уговорам, влиянию факультетского начальства и т.д. Но про С. Ю. почему-то точно знали все – не прокатит. Кстати, был у каждого шанс в этом убедиться лично на экзамене.

Кое-что о троллинге. Сейчас это слово новомодное знакомо даже детям. Но у нас в лексиконе 1990-х его не было, пользовались привычной архаикой русской речи: «подначивать», «подкалывать», «стебаться», «измываться», да в конце концов «чморить», «валять дурака», имея в виду более-менее приемлемый уровень демонстрации индивиду его когнитивной или творческой ограниченности с возможными последствиями для его ближайшего будущего. В случае нашего Героя это качество – опять стопроцентная органика! При этом, кстати, заточенная не на демонстрацию собственного превосходства, а на пробуждение здравого любопытства, импульса к знанию, либо просто обуздание лени того или иного сабжа, как правило, студента-двоечника.

Надо подчеркнуть, что С. Ю. хорошо владеет этой техникой, основанной на точном знании дела. Там, где он прошел весь путь (от азбуки до вершин мастерства) – не жди пощады тот, кто будет делать «тяп-ляп». Равно как и не пропустит

явных ошибок, недоделок, промахов тех, кто стремится, как и он к совершенству. Очень полезное качество. И очень заразное. Все, кто работал и работает с С. Ю., овладевают этими навыками. Достаточно посмотреть на Е. Кузнецову и Н. Чурекову, их тексты, книги, экспозиции, мероприятия... Можно лучше? Можно. Но при условии, что сделают они же, но с большими средствами, масштабом, размахом.

Когда подошла пора издавать монографию и был готов текст, не было у меня большего и авторитетнейшего наставника в этом деле, чем С. Ю. Даже шрифт книги был им лично отобран и утвержден, а макет трижды перепроверен. Надо отметить и то, что, будучи историком, археологом он вчитывался в этот насквозь политологический текст с его «птичьим» языком и точно подсказал важнейшие поправки. Да, рецензенты были из профессионального цеха – политологи и юристы. Но С. Ю. сыграл роль гораздо более важную: благодаря ему книга выглядела так, что, несмотря на скромный тираж и экономный вариант обложки, некоторые завистливые столичные специалисты цокали языком: мол «старая школа, ... есть еще люди ..., сноски по-человечески сделаны и колонтитулы оформлены нормально ...».

Вернемся к троллингу. Во времена оны на экзамене по этнографии приходилось не только отвечать на вопросы билета, но и демонстрировать контурные карты с выполненными заданиями. Последнее было особенно важным и значимым, так как Монахов старался их не просто формально просмотреть и отметить себе – «готовился, не прохиндей», а педантично указать на имеющиеся недостатки, помочь доделать эту карту и не «стереть», не забыть какую-то народность в конкретном регионе мира. Кстати, весьма полезное для формирования и поддержания национальной идентичности дело. На том самом экзамене по «этнографии» одна из моих сокурсниц, очаровательная армянская девушка по имени Гаянэ, считавшаяся до сего момента устойчивой «хорошисткой», отчаянно затупила. Вопрос С. Ю. о том, где же на ее контурной карте Нагорный Карабах (был просто заштрихован в один тон, как и весь Азербайджан) поставил ее в ступор. Дама потерялась и началось последовательное восстановление справедливости: задавались наводящие вопросы (откуда Вы родом, где проживали, чем отличаются соседние кавказские народы и т.п.). Та история закончилась вполне благополучно, хоть и со второй пересдачи (на первой она вновь затупила, но то был кейс

с коренными и малочисленными народами Севера, а у них, как известно, только количество популяции невелико, а вот территорией их бог не обидел!).

Кстати, второе и последующие знакомства С. Ю. были связаны с его личным пространством и людьми, которые его составляли. Мы часто собирались в его квартире, в общежитии на Вольской (Братиславской), где можно было встретить и математика, и геолога, и, само собой, историка, философа, социолога и прочих, и даже хореографа и специалиста по спортивной гимнастике и акробатике... Как водится, выпивали, говорили, спорили. Всегда рядом был ВАМ, что формировало особую атмосферу дискуссии, душевого разговора или творческого штурма сложного вопроса (в зависимости от технического задания и настроения кампании, собравшейся по поводу работы или по велению души, или, как обычно и того, и другого).

Ректорат: Д'Артаньян и три мушкетера или как развиваются университетские комплексы.

Хорошо знающие нашу жизнь люди часто утверждают: «в России надо жить долго...» или «в университете надо долго жить ...». В общем, чтобы долго жить, надо просто жить. И тогда тебе повезет. Или откроется нечто. Или и повезет, и откроется и мимо по реке проплывет труп врага... В любом случае есть что-то, что отличает людей продолжительное время трудящихся в одном месте от иных. Тем более что сегодня все больше тех, кто не однажды менял место работы, профессию, интересы, предпочтения. Молодежь ценит развитие, но часто понимает его как смену обстановки вокруг. Отсюда тяга к путешествиям, саморазвитию, «новому открыванию себя», личностному росту и прочей прогрессивной фигне, составляющей их собственный вишлист.

Не таков наш Герой. Он давно и прочно в деле. Дело жизни связано с Университетом, с Наукой, с воспитанием людей, новых, настоящих человек. Уверен, что такой стаж в СГУ, как у Монахова С. Ю., прошедшего все ступени преподавательской карьеры от ассистента до профессора и завкафедрой, имеется далеко не у всех. Да что там, такие люди – основа университета и его суть. Та самая, без которой ничего не будет... И вроде бы это абсолютно понятно, не требует каких-то аргументов, просто аксиома. Однако есть один нюанс. Еще меньшее количество университетских людей, состоявшихся и как ученые, и как педагоги, и как организаторы научных коллективов имеют опыт административной работы. Они то знают, как это все устроено и работает. Более того, многие

из них думают, что знают, как оно должно работать. А некоторые даже смогли сделать некоторые усилия в этом направлении и достигли соответствующих результатов.

Насколько мне известно, С. Ю. не искал славы большого начальника в университете и не стремился обрести высокий статус ЛПР (лица принимающего решения). Тем не менее, пришлось и ему в интересное время поработать на такой позиции, а точнее стать важной фигурой университетского ЦПР (центра принятия решений, просим прощения у читателей за этот политологический новояз). Это решение не могло бы состояться без участия нашего дорогого друга, коллеги, товарища по университетским баталиям В. А. Митрохина. Именно ему удалось убедить С. Ю. принять предложение ректора Л. Ю. Коссовича войти в его команду и заняться новым делом, доселе невиданным и непривычным как для самого Монахова, так и для большого университета в целом. Если кратко сформулировать эти самые задачи, то придется признать, что они выходили далеко за пределы научных интересов археолога-античника. Более того, ряд поручений, которые пришлось выполнять, предполагал совершенно иной набор компетенций: в отличие от событий прошлого пришлось заниматься проектированием будущего и коррекцией настоящего СГУ, вместо материальной культуры греков и эллинистического мира в виде остатков разнообразной красивой и не очень тары надо было окунуться в университетский менеджмент, разработку стратегических планов и подготовку масштабных проектов развития.

Самое время отметить, что этот «поход в ректорат» был предпринят С. Ю. не в одиночестве, а командным, артельным способом. В. А. Митрохин, приложивший немало усилий по складыванию, слаживанию и настройке команды, хорошо знает, как это планировалось, выстраивалось и в итоге получилось. Таким образом, два проректора (В. А. Митрохин и С. Ю. Монахов) и два заместителя проректора (Я. А. Никифоров и И. И. Кузнецов) приступили к своим обязанностям в университетской жизни в новом для себя статусе в 2005 году. На долю коллег выпало вести воспитательную, социальную работу, а также тщательную настройку внешних коммуникаций университета и ректора. Но, помимо этого, выпали нам и иные задачи: интеграция в большой университет колледжей, филиала в Балашихе, выстраивание новой для всех стратегии вхождения СГУ в рейтинги, получение нового статуса. Наконец, важной и сложной вехой на пути стало участие университета в конкурсе на получение федерального финансирования на развитие:

написание проекта Программы развития университетского комплекса, сбор и интеграция всех предложений факультетов и других подразделений и т.д.

Наша четверка в ректорате СГУ того времени, конечно, переживала и успехи, и неудачи. За более чем три года столько всего пролетело, а кое-что даже попало нелетальным образом по каждому из нас... На мой взгляд, все же достижений было больше и многие из результатов стали основой для мощного рывка в развитии университета на годы вперед. Литературный и киношный образ «мушкетеров» кажется не случайным и весьма красноречивым, учитывая те разнообразные перипетии и приключения, которые с нами происходили. Один из нашей команды даже стал ненадолго деканом факультета, другой – соперником действующего ректора на очередных выборах главы университета, третий – зажигал в качестве «играющего тренера» и члена жюри в Студвесне, а четвертого каким-то неведомым ветром занесло на территорию вероятного противника, то есть в самую Штаб-квартиру НАТО с дружеским визитом. В общем, время было яркое, динамичное и мы старались ему соответствовать. Есть, правда, некоторая трудность с соотношением ролей и образов: кто есть кто в этой четверке, и как эти ролевые особенности проявлялись. Дело в том, что Д'Артаньян – образ весьма неоднозначный в нашем современном российском контексте. И не только потому, что М.С. Боярский («тысяча чертей!», «каналья», «скрипит потертое седло...» и все такое), кони, шпаги, песни и прочее... Но и потому, что – «все, один он – Д'Артаньян!» А у нас так не принято было, даже наоборот. «Один за всех, и все за одного!», что, впрочем, и произошло, учитывая, что четверка ушла из ректората одновременно по личной просьбе и заявлению каждого. Ну, допустим, что бедный, но гордый гасконец – это такой «плавающий образ», «переходящая роль» (да не обидится на меня ВАМ, она ему все же ближе, учитывая гитару, вокал, да и страсть к коням, пусть и четырехколесным!). Зато другие вполне читаемы: Я. А. и я вполне подходим по темпераменту и фактуре под Портоса и Арамиса, соответственно. А вот Монахов, на мой взгляд, это лучшее воплощение Атоса. Даже в кадре вполне могу представить не привычного всем актера В. Смехова, а задумчивого, волевого, глубокого, аристократичного С. Ю. Вообразим беседу слегка уставшего Монахова с неугомонным начальником, уговаривающим продолжить работу в ректорате: «это слишком много для Атоса и слишком мало для графа Де ЛяФер...».

Оставим эти неполиткорретные спекуляции. Четверка выделялась в управленческой команде университета не только слаженностью, координацией работы, но и пониманием общих целей, стремлением хранить университетские традиции и поддерживать творческие инициативы, открывать новые возможности для развития СГУ. Когда в трудовой книжке записано «зам. проректора по развитию университетского комплекса» это ко многому обязывает. Хотя, конечно, это всегда было поводом для легкого стеба или жесткого троллинга (в зависимости от коммуникационной ситуации). Мне всегда казалось, что «развитие университетского комплекса» – это не только про проекты, программы, гранты, реализацию Болонской системы и прочие научно-образовательные кластеры и менеджмент. В этом читалось, скорее, расширение собственно арсенала жизни и творчества людей университета – стремления к познанию, готовность к диалогу, спору, поиску сложных ответов и т.д. По-видимому, такое психоаналитическое понимание комплекса было и остается для нас не менее важным, чем все программы, здания, структуры, подразделения, ставки, эндаументы и прочее. Хорошо помню, что С.Ю. именно такую интерпретацию нашей сферы деятельности всегда отмечает, как главную.

Спорт – норма жизни. Как успевать все и быть в форме.

Те, кто ждет от рассуждений о спорте банальностей вроде «полезно», «продлевает годы», «функциональное состояние здоровья», а тем более «ГТО» и «ЗОЖ» будут здесь разочарованы. С. Ю. любит спорт и это не мешает ему вести привычный образ жизни. Наоборот, это задает строгий график, дисциплину труда и отдыха (ранее это называлось НОТ – научная организация труда), да и просто позволяет переживать непростые ситуации и не падать жертвой стрессов.

Однако надо пояснить, что в данном случае понятие «спорт» – не только физическая культура, плавание, велосипед и прочее. Здесь на важных местах – охота, рыбалка, баня, и, конечно, экспедиции. Впрочем, последнее проходит и по разделу «работа», а это значит, что удовольствие, наслаждение и новые достижения здесь не учитываются как рекреационные успехи. А вот количество подстреленных уток, куропаток и прочей летающей и бегающей дичи – вполне, как и размер добытой рыбы также.

Мне посчастливилось не один год вместе с С. Ю. плавать в бассейне «Саратов» (а это, кстати, редкий случай олимпийского размера 50/25 м в нестоличном городе, за что скажем спасибо Советской власти!). Эти наши заплывы, где

регулярно участвовал Я. А., фиксируя при этом систематическое повышение возможностей «царя» и мои собственные на дистанции до 1000 м вольным стилем, привели к тому, что рабочий день в СГУ мы начинали ровно в 8.50. Мы почти не удивились тому, что С. Ю. в какой-то момент сел на горный велосипед и по весьма сложной, пересеченной местности преодолел пару десятков километров. Надо учесть, что такой естественной готовности к новой для себя форме отдыха С. Ю. мы все весьма порадовались. Однако страсть к охоте всегда была и сильнее, и выразительнее, и, что немаловажно, романтичнее. Как-никак выезд на природу, оружие, собаки, добыча, обсуждение порохов-прикладов-прицелов-трофеев.

Именно поэтому как-то само собой прижилось мнение, согласно которому С. Ю. – идеальный спортсмен в образе английского джентльмена конца XIX столетия: и на велике, и с ружьем на утиной охоте, и на ялике с удочкой, и в клубе с сигарой или трубкой за бокалом виски или пинтой пива. В общем, Шерлок Холмс в боксерских перчатках и трубкой во рту. Или тот же Холмс с дымящимся револьвером в гостинной и бренди в бокале (миссис Хадсон снова бранится за продырявленную дверцу шкафа). И это вам не какой-нибудь Д. Камбербетч неопределённой ориентации, это наш, настоящий, который В. Ливанов и советский секс-символ!

Мне, как и многим, кто рядом с С. Ю., очень повезло в жизни. С ним каждый из нас встретил друга, учителя, соратника. Удивительно и закономерно, что в данном случае это человек с огромным потенциалом и такой же огромной его реализацией! Профессиональные достижения его убедительны, признаны и крайне ценны. Дети-внуки, книги, ученики, кафедра, музей, институт, экспедиции, конференции... Невозможно все перечислить даже хоты бы по номенклатуре деятельности. Но важно и другое. С. Ю. всегда любил учиться новому, делает это и сейчас постоянно. Когда-то он мне сказал, что якобы я его чему-то научил. Конечно, я не поверил: фигура речи, подбодрил в сложной ситуации, поддержал... Ан нет! Он действительно учится и очень многому научился. Поэтому с ним всегда интересно. Пусть так будет всегда! Будьте здоровы, дорогой Сергей Юрьевич!

Но не только ты наблюдаешь за взлётами и падениями своих студентов, но еще внимательнее они наблюдают за тобой. Запоминают, анализируют и... пишут портрет.

Я. А. Никифоров

БЕССВЯЗНЫЕ НАБРОСКИ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЦЕЗАРЯ



Все люди, особенно те, кто изучал или хотя бы интересовался историей, знают, что великие личности жили повсеместно и во все времена. Но признать, что они живут одновременно с тобой и буквально по соседству, довольно трудно. Ибо «нет пророка...». Потом, когда-нибудь, вспоминая уже ушедших знакомых, товарищей, друзей гораздо легче, закатывая глаза и глубокомысленно вздыхая, вещать: «Да, были люди, теперь таких уже не делают». Так и подмывает набраться смелости, наступить на горло собственному тщеславию и скепсису, и прямо здесь и сейчас, не дожидаясь, заявить: да, вот он, великий человек, его зовут Монахов. Масштаб личности Сергея Юрьевича действительно впечатляет, не случайно в нашем университетском сообществе к нему прочно пристало прозвище Царь; размах качеств его характера поистине августейший, с настоящим русским колоритом: пахать так пахать, гулять так гулять, и Богу свечка, и чёрту кочерга. Ну где вы видели на Руси исключительно порядочных и смиренных царей?

Не претендуя на плутархову биографическую системность, хочется вспомнить несколько личных эпизодов в копилку юбилейного энкомия.

Не претендуя на плутархову биографическую системность, хочется вспомнить несколько личных эпизодов в копилку юбилейного энкомия.

Монахов и студенты. Мне трудно судить, как обстоит дело сейчас, но в моём первокурсном 1987 году студенты Монахова не то, чтобы любили (боялись, уважали, не замечали, – как других истфаковских преподавателей). Он вызывал у нас восторг. Завораживала и внешность (здесь и Шерлок Холмс, и профессор Селезнёв, и Мосий Шило, и ещё Бог весть что), и невероятная эрудиция, и безапелляционность суждений, и преподавательская хитрость (он, проверяя конспекты, расписывался в них, чтобы не передавали по рукам) и многое другое. На экзамене все ждали, когда он уйдёт курить (дымящаяся беломорина, казалось, навечно прилипла в углу его рта) чтобы достать шпоры. Но время шло, а Монахов продолжал невозмутимо поглядывать на ряды «тварей дрожащих». Металась мысль, сколько же он может терпеть?! И вот С. Ю. невозмутимо достаёт пачку и закуривает, прямо в 16 аудитории старого IV корпуса. Вздох разочарования и восхищения. Царь везде у себя дома.

Его суровые требования и оценки нивелировались для нас их справедливостью. Никто и никогда не посетовал на свой низкий или чужой высокий балл. Урок жизни (и полезный, как выяснилось позже, урок преподавательской принципиальности) получил и я. Закончив английскую школу, я уверенно владел языком, особенно в части перевода текстов. Для зачёта по английскому, в отличие от однокашников, я должен был предоставить перевод специфических исторических статей на своё усмотрение. Решил обратиться к Монахову (по причинам, указанным выше, представлялось, что у него есть всё). У него, действительно, такого добра нашлось навалом (конечно, по амфорам). И целый семестр мы провели с пользой, я зарабатывал зачёт (увлёкшись, перевыполнил необходимую норму в разы), С. Ю. проникал в глубины буржуинского амфороведения. Пришла сессия, последний экзамен – этнография, у Монахова. Получив пятёрки по археологии и истории Древнего мира, я был безмятежен. Во-первых, я предмет любил и знал (как мне казалось), во-вторых, в зачётке достойное резюме, в-третьих, я всё же оказал кое-какие услуги самому. Пришёл «уверенно, как лошадь к мерину». На билет ответил, второй пункт программы – контурные карты, С. Ю. пролистывает и натывается на Африку, где чёрным по-русскому написано «туабереги». Осторожно, чтобы не спугнуть, спрашивает – кто это. Туабереги, говорю (упомнишь их всех разве, зулусов). Мрачнеет. Но потеряно не всё. Хотел, истинно верю, хотел вытянуть. А вот, спрашивает, есть такие масаи (самое простое, про них любой бы рассказал). О, да, радуюсь облегчённо (с кем-то я их перепутал). А чем они пропитание себе добывают? Так земле-

дельцы, сеют-пашут. Уйди с глаз моих, из последних сил недобро выдавливает Монахов, рисуя «хор» в зачётку.

Царь строг, но справедлив.

Монахов и медные трубы. Весь университетский комплекс, вне всякого сомнения, помнит деятельную заботу о его развитии, проявленную С. Ю. в бытность проректором. Где бы мы все были, если бы не его неустанное попечение... Но не об этом. Как раз тогда подошло время перевыборов ректора, не будем вспоминать всех перипетий той кампании, но один сюжет важен для образа нашего юбиляра. Людям, не сильно сведущим в довольно циничных технологиях любых выборов, краткая справка: у протагониста должен быть сильный союзник, замаскированный для избирателя под соперника, призванный оттянуть голоса недовольных у реально противостоящих кандидатов, создавая иллюзию реальной демократии. После долгих размышлений и колебаний С. Ю. согласился исполнить такую роль в ректорской гонке, огласив свою достойную мотивацию: «Я – человек команды». Но, так как весь ректорат был ориентирован на забег в пользу действующего ректора, скромный предвыборный штаб Монахова состоял из его аппарата и братского аппарата союзного проректора. Понимая, что победа – это не цель, тем не менее, решили «станцевать красиво», тем более, что подобрались «мужи добры и смыслены», с огоньком. Как положено, написали программу, провели встречи с избирателями, развернули агитацию. И в этот момент начала проявляться очень странная ситуация: большое количество университетского народа, в том числе из состава руководителей среднего и почти высшего звена стали настойчиво предлагать С. Ю. реально рвануть к вершине с обещанием поддержки. Подходило время выборов, нужно было что-то решать. Вдохновлённый перспективой победы своего кандидата предвыборный штаб написал программную речь С. Ю. на выборной конференции. Воспроизвести её сегодня не представляется возможным, однако вспоминается, что это был практически шедевр жанра, наполненный реальными смыслами, ответами на чаяния сотрудников, были намечены пути развития СГУ и механизмы выполнения поставленных задач. Текст был исполнен в лучших традициях политической риторики с обращением к истинно русским ценностям соборности и симфонизма, причудливо сочетая в себе парламентскую и несалонную народную лексику. Сама речь была снабжена ремарками типа: «делает широкий жест рукой», «в задумчивости проходит вдоль рампы», «наливает себе из графина», «закуривает» и т.д. Обращаясь

к аудитории, выступающий употреблял выражения: «друзья», «братья и сестры», «голубчики мои». Заканчивалось выступление: «Цели поставлены, задачи определены! За работу товарищи!». С. Ю. внимательно ознакомился с документом, крикнул, очень крепко по-русски выразился в смысле «молодцы ребята» и убрал бумагу в сейф, а затем потребовал при нём удалить файл и все его следы с жёсткого диска.

После чего свою позицию выразил недвусмысленно: «Есть такие персонажи, да хоть нынешний ректор, которые убеждены, что человек хозяин своего слова: захотел – дал, захотел – взял обратно. Так вот это не про меня. Играем, как обещал».

Известно, чем всё кончилось.

Царское слово дороже золота, крепче алмаза.

Монахов и охота-рыбалка. Всем известно, что С. Ю. является заядлым охотником и азартнейшим рыболовом. Однако большинство об этом именно, что знает, и, главным образом, от самого Монахова. Существует огромное множество документальных свидетельств охотничьих побед и рыбацких трофеев С. Ю. в виде достоверных рассказов, воспоминаний и баек, фотографий с добычей. Он очень любит демонстрировать ошарашенным слушателям вороха снаряжения и орудий ловли, манки, приманки, ружья, патронташи и ягдташи, которые должны авторитетно свидетельствовать о солидном опыте охотника-собирателя. Восхищённая аудитория часами внимает рассказам в стиле Тургенева, Паустовского и Бианки. Но, когда особенно вдохновлённые и увлечённые (или вредные) начинают тыча пальцем в особо впечатляющие экземпляры (гусей, уток, зайцев, кабанов, оленей, куропаток, щук, язей, голавлей, сомов, окуней – нужное подчеркнуть) и восклицать: «Ах! Как Вам удалось это добыть?! А это, а это...», то выясняется, что не всё это поймано и подстрелено лично С. Ю., а «при участии». Ну... ставил сеть, участвовал в загоне, сидел в схроне, стрелял в сторону дичины, нёс тушу, разделывал-чистил и прочая и прочая. Настаиваю, что данное обстоятельство никак не умаляет, а, напротив, выпячивает широкую царскую натуру Монахова. Что, царю есть нечего? Зачем ему вся эта гастрономия? Убеждён, что так любившие охоту монархи ушедших времён были движимы теми же мотивами, что и С. Ю.: азарт, участие в коллективном ритуале, возможность блеснуть шикарным снаряжением и глубокими теоретическими знаниями, непосредственное общение с широкими народными массами, красивый выезд и, как кульминация,

пир по окончании (впрочем, и в ходе) мероприятия. Не случайно С. Ю. демонстративно небрежно относится к нюансам ловли и стрельбы. Например, вопреки мнению маститых рыбаков, использует неподобающие характеру водоёма, глубине и предполагаемым рыбным запасам крючки, леску и другую оснастку (а кто сказал, что на полуметровой глубине не может клюнуть пудовая щука?); снисходительно и милосердно стреляет мимо дичи (чем вызывает недоумение и насмешки недалёких охотников-плебеев).

Охота для царя – церемониал и сердечная отрада.

Монахов и спорт. Хорошо известно, что рабочий день у царей ненормированный, им за вредность молоко нужно выдавать. С. Ю. работать любит и умеет, а ещё больше обожает, чтобы и все вокруг трудились, не покладая рук, а это, естественно, невозможно без его чуткого и ненавязчивого руководства. Все эти заботы и хлопоты оказывают неподъёмную нагрузку на физическое и нервическое состояние здоровья Монахова, а это требует восстановительно-реабилитационных процедур. Ничего лучше физических нагрузок человечество не придумало, и С. Ю. энергично предаётся активному и здоровому образу жизни. Любимым видом спорта Монахов выбрал плавание, ибо вода – колыбель человечества и лучше всего возрождает к жизни утомлённые организмы. Все существующие в Саратове бассейны были освоены С. Ю. в разные годы и в разных компаниях единомышленников. Последние и заметили некоторые неизменные особенности в стиле занятия плаванием Монахова. Первое, в воде С. Ю. постоянно находится в очках, обычных, не для плавания. «Зачем? – Так не видно ничего без них... – На что здесь смотреть, вот дорожка, вот борт, всё на ощупь. – А бабы?». Есть ценности поважней банального ЗОЖ. Второе, никто и никогда не может безнаказанно плавать быстрее него. Если вдруг так случается, то вы будете встречаемы грозным сверканием очей, топорщением усов и провожаемы моржовым фырканием (так что лучше всего плавать по другой дорожке, а лучше в другое время).

Царь – первый среди равных.

Дорогой Сергей Юрьевич, многие лета!

За годы работы проректором Сергей Юрьевич познакомился с огромным количеством новых людей. С некоторыми из них сложились дружеские отношения. Дадим слово и им...

П. С. Кабытов

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА МОНАХОВА. К ЮБИЛЕЮ ИСТОРИКА



Среди саратовских историков, с которыми я дружу многие годы, особо выделяю доктора исторических наук, профессора Монахова Сергея Юрьевича. Уже в 80-е годы XX столетия я не раз слышал о нем от профессора Григория Алексеевича Герасименко и моего давнего друга и земляка профессора Виктора Николаевича Данилова. Конечно, я неоднократно видел С.Ю. Монахова в коридорах исторического факультета Саратовского государственного университета еще до переезда во вновь сооруженное здание на улице Астраханской д. 63, корпус 11. Но эти встречи были мимолетны. Наша дружба началась в теперь уже далеком 2005 году, когда я вместе с проректором по учебной и воспитательной работе Самарского государственного

авиационного университета (ныне Самарский национальный исследовательский университет имени академика Королева) доцентом Г. А. Резниченко были направлены ректоратами наших университетов в командировку в Саратов.

В начале нулевых годов XXI века университеты вынуждены были буквально выживать. А выживать можно было лишь через развитие – путем реализации новых образовательных программ, создания филиалов и гуманитарных представительств в районных центрах и городах региона, увеличении приема студентов на коммер-

ческой основе. И Саратовский государственный университет в те годы создал целую сеть представительств и стал в них реализовывать образовательную программу «Документоведение и документационное обеспечение управления». По заданию Министерства образования и науки РФ мы с Г. А. Резниковым должны были проверить качество подготовки специалистов. Выехали мы в Саратов на машине, которую нам выделил ректорат, ранним утром.

Г. А. Резников меня в буквальном смысле очаровал тем, что рассказал о своих поездках на озеро Байкал. И это меня восхитило. Я вновь в который раз вспомнил свою службу в качестве военного строителя в забайкальских степях. Но главное состояло в том, что по пути в Саратов мы дотошно знакомились не только с методическим обеспечением учебного процесса. Но и с условиями его реализации. Оказалось, что ректорат Саратовского университета заключил договоры со школами, которые предоставляли вузу аудиторный фонд для проведения учебных занятий. Не было существенных нарушений и в реализации учебного процесса. И вот первая остановка в городе Пугачеве (с 1764 г. слобода Мечетная, с 1835 г. – город Николаевск, с 1918 г. Пугачев). Затем мы обследовали представительства университета в городах Балаково, Ершове, Марксе (ранее – Екатерининштадт – также Баронск, в 1915–1929 гг. – Екатериноград, с 1929–1942 гг. – Марксштадт). Ну и, конечно, мы не могли проехать мимо города Энгельс, который ранее назывался Покровской слободой.


Подъезжая к университету, я робко поделился своей мечтой с Г. А. Резниковым, что может быть ректорат университета пригласит нас в оперный театр. Но эти иллюзорные мечты не сбылись. Нам была уготована неформальная встреча с ректоратом. А организатором ее был проректор по развитию университетского комплекса Саратовского университета Сергей Юрьевич Монахов. На встрече присутствовал и ректор университета доктор физико-математических наук, профессор Леонид Юрьевич Коссович. Но дружеская атмосфера вечера была создана С. Ю. Монаховым. Ему ассистировал проректор Владимир Алексеевич Митрохин. В ходе встречи были обсуждены итоги нашей инспекционной поездки. Но главное были вновь восстановлены коммуникативные связи между вузами Самары и Саратовским университетом.

Запомнился и второй день. Мы отправились в Балтайский район. И, кстати, эта поездка для меня имела особое значение, так как в то время я завершал монографию «П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи». И для меня крайне важно было не только увидеть те места, где жил и работал П. А. Столыпин –

Санкт-Петербург, Саратов, Киев, но и посетить населенные пункты, в которых находились его земельные владения. И вот мы приехали в село Столыпино. Нас сопровождал С. Ю. Я был в который раз восхищен его талантом рассказчика. Знатока истории Саратовского края. Оказалось, что село Столыпино это малая родина саратовского губернатора Д. Ф. Аяцкова. Его отец орденоносец Федор Аяцков участник Великой Отечественной войны. Когда-то селу было присвоено название Дмитриевское, затем оно стало именоваться Столыпино, по фамилии владельцев имения. Но в 1930 г. оно было переименовано в Калинино. И лишь в 1996 г. исторический топоним Столыпино был возвращен на карту Саратовской области. Нас не могли не восхитить возведенный в 1995 г. православный храм во имя святого благоверного великого князя Дмитрия Донского, дом для престарелых граждан, деревенский дом, в котором продолжала жить мать Саратовского губернатора. Да и само село выглядело процветающим.

Командировка в Саратов положила начало нашим коммуникативным связям с профессором С. Ю. Монаховым. Исподволь я узнал, что он родился 21 августа 1952 г. в Ростове-на-Дону, когда мирная жизнь в Советском Союзе вошла в традиционные берега, а раны жесточайшей войны залечивались. Вольно или невольно в общении у Сергея Юрьевича проскальзывал южнорусский диалект. Я обратил внимание, что для него была характерна живость характера, неутомимая энергия и яркий юмор. Но чрезвычайно важно было другое. Несомненно, он является романтиком, созидателем и надежным другом, готовым всегда реально оказать помощь в реализации тех или иных научных проектов. Изучая перипетии его жизни, я установил, что после окончания средней школы, он работал в геодезической партии. И видимо в это время он был заражен вирусом экспедиционной бивуачной жизни, которая характерна для сотрудников археологических экспедиций. Меня роднит с Сергеем Юрьевичем и то, что он, как и я, работал на заводах, он токарем, а я прибористом цеха КИП. Своеобразной ступенью в его карьере была работа в качестве лаборанта в техникуме. Но в полной мере коммуникативные практики он освоил на студенческой скамье исторического факультета Саратовского университета, на комсомольской работе в вузе и в профсоюзной деятельности на пространстве обкома профсоюзов работников просвещения и высшей школы.

Надо сказать и о том, что он оказал мне реальную помощь при подготовке к изданию моей монографии «П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи» предоставив мне фотографии Петра Аркадьевича и членов его семьи. Он



проявил заинтересованность, когда узнал, что я собираю материал о жизни и деятельности одного из выпускников исторического факультета – профессоре Г. А. Герасименко и предоставил мне ряд архивных материалов и фотографии, которые расширили источниковую основу будущей книги. Не могу не вспомнить наши встречи, прогулки по Саратову, его замечательным достопримечательностям, где Липки – самое изумительное и любимое горожанами и не только ими городское пространство, наше общение в кругу друзей за чашкой чая. Но особо отмечу его деятельное участие в защите докторской диссертации Владимира Митрохина в диссертационном совете при Саратовском экономическом университете, на которой я выступал по инициативе Сергея Юрьевича в качестве официального оппонента.

Здесь можно много говорить о таланте и достоинствах юбиляра. Убежден в том, что он будет продолжать нас радовать своими достижениями и учениками. Успехов Вам, дорогой Сергей Юрьевич!!!

Университет, без преувеличения, единственное место, где могут в одной упряжке работать люди, избравшие своим жизненным поприщем совершенно разные сферы жизнедеятельности, от космоса до нанобиологии. И прекрасно друг друга понимают.

Е. М. Музалевский

ЦЕНА ТАРЫ

Однажды вчитавшись в биографическую статью, посвященную Монахову, с радостью узнал, что первыми профессиональными навыками (очевидно, как и всеми прочими) мы с Сергеем Юрьевичем овладели в одной школе – измеряя шагами родные просторы в качестве рабочих геодезической партии. Хорошая, доложу вам, школа! Она учила не только внимательно смотреть под ноги, но и видеть то, что прячется за горизонтом – когда в течение всего полевого сезона перед тобой постепенно, день за днем, как в замедленной съемке, разматываются десятки километров очередного маршрута.

Уверен, что именно тогда зародились его склонность к созерцательности, неспешному анализу увиденного, умение обнаружить необычное в привычном, способность считывать, разгадывать и складывать в красивые, наполненные смыслами пазлы – не только пространство, но и время. То есть, все те качества, что необходимы настоящему исследователю древней истории.

Как ученый он, подобно джинну из арабской сказки, сразу и навсегда оказался связанным с керамической тарой. Объяснить эту влюбленность в античные амфоры невозможно, да и не нужно, как нельзя понять пожизненную



верность болельщиков футбольному клубу. Гораздо важнее осознать, что эта любовь, даже страсть, дала науке, процессу познания древнего мира. А дала очень много, если учесть, что без ссылок на работы Монахова сегодня не выходят публикации самых известных зарубежных керамистов-античников.

Счастливая возможность более пристально разглядеть сегодняшнего юбиляра лично мне представилась в те несколько лет, что Сергей Юрьевич работал в должности проректора. Университетский комплекс тогда находился в состоянии очередной перестройки. Задачу курировать перспективы развития СГУ поручили Монахову. Не думаю, что его это сильно вдохновило на административные подвиги. Но с привычкой ответственно относиться к любому начатому делу и невозмутимостью настоящего стоика он принимал на себя неизбежные издержки непростых управленческих решений. Во многом благодаря этим его качествам в университете в конце концов родилась одна из первых инновационных образовательных программ. Была она многовекторной, позволила создать несколько научно-образовательных центров, в том числе Институт археологии и культурного наследия, в судьбе которого с полной самоотдачей Монахов участвует до сих пор в качестве директора, идейного и научного вдохновителя.

Если верить, что в наших фамилиях закодированы некие родовые тайны, в истории Монаховых непременно должен был быть какой-то монах, не одолевший тягот монастырской жизни. А иначе как бы продолжился род? Его потомок развил в себе необыкновенную стойкость, любознательность и жизнелюбие. Не будучи открытым «всем ветрам», он умеет дружить и ценить дружбу тех, кто заслужил его доверие – качество настоящего мужчины и умудренного жизненным опытом человека.

Не могу назвать себя его другом – не так часто и плотно мы с ним общались, но горжусь, что однажды он сам познакомил меня с доступной обзору частью университетской коллекции античной керамики (это было еще в четвертом корпусе, на Университетской), и – о ужас!.. – позволил отпить глоток вина из сосуда, возрастом в несколько тысяч лет.

Кажется, это был собранный из черепков килик (пусть юбиляр посмеется).

Всем известно, что Сергей Юрьевич заядлый охотник, говорить об этом он может практически бесконечно. Предоставим слово одному из напарников по этому таинству...

С. В. Макаров

ЛЮДИ ОДНОГО ВРЕМЕНИ

Мы иногда забываем, когда и при каких обстоятельствах познакомились с кем-то из друзей. Сейчас заставил себя вспомнить. Для меня Сергей Юрьевич Монахов – худенький, молодой, в длинном плаще в офисе Сергея Алексеевича Ислентьева во дворе гостиницы «Волга», и непременно вечером. Именно вечером, потому что раньше я не мог приезжать с работы из Заводского



района. Сергея Ислентьева можно назвать саратовским Хлестаковым. Была история с разоблачением аферы приватизации гостиниц Управления гостиничного хозяйства («Волга», «Европа», «Олимпия» и т.д.). Мы с Сухаревым, будучи депутатами горсовета, раздобыли оригинальный экземпляр договора аренды без права выкупа и на заседании городского Совета народных депутатов доказали, что одна из первых известных приватизаций в России (ей как образец показывали в рекламе по центральному ТВ) – это мошенничество, основанное на подделке. Так вот, наш друг выпросил у меня этот документ и сдал его Раисе Марчик, которая руководила АО «Астория», и взамен много лет пользовался её расположением. Тем не менее, Сергей Алексеевич был оригинальным человеком с оригинальными мыслями, и к нему притягивалось много оригинальных людей. Некоторых я помню.

С той поры прошло лет 15, которые в моей памяти взаимоотношений с Сергеем Юрьевичем выглядят провалом. Может, и встречались в кругу общения? А потом в середине 2000-х годов жизнь нас свела вновь, возможно, через «Земское Обозрение». Я увидел музей в СГУ, увидел человека совершенно в другом образе: состоявшегося, солидного, известного, интересного.

Когда у нас было охотничье хозяйство в Калининском районе, приглашали несколько раз на охоту. Наш общий знакомый В. А. Митрохин говорит, что в СГУ у них переизбыток общения и идей. А у нас на городской окраине – наоборот, в Заводском районе даже поговорить со свежим человеком редко получается.

Для меня было открытием, что русские крестьяне (говорил Сергей Юрьевич как-то на охоте, показывая на пологую ступень вдоль стены длинного оврага, заросшего лесом) прокладывали по склонам оврагов на солнечной стороне дороги, потому что именно эти места весной первыми солнце прогревает, и снег там сходит, грязь высыхает быстрее. Я быстро понял эту идею, потому что мать мне рассказывала, почему любила ходить в лаптях. «Лапти, – говорила она, – самая лучшая обувь. Жалко, что их всегда не хватает». «А как же ты, мама ходила весной по лужам в лаптях?» «Сначала по снегу, по льду, а потом по высохшим бугоркам да по кочкам, где земля подсохла. Так и ходили».

Помню рассказы про курганы и раскопки захоронений, с камнями по периметру и без камней, а также историю с зубом мамонта. Как-то егерю нашего охотничьего хозяйства доставили песок для стройки, и в нём случайно оказался огромный зуб. Я выменял этот зуб за колесо для тележки трактора. Кому показать? – ну, конечно, Монахову. Он пояснил, что это – зуб мамонта, он скоро рассыплется, если его не подвергнуть специальной обработке, и помог законсервировать. После чего внимательно посмотрел на меня и заявил, что подобных зубов нашли уже много, в одном СГУ их более сотни. Тем не менее, предложил подарить этот зуб музею СГУ. А мне стало жалко и, к своему стыду, пожадничал, отказал...

Не один раз мы оказывались в одной приятной компании, и я не раз замечал его внимательный взгляд. И понял, что не только мне не хватает общения в другой среде. Возможно, и я, как человек из другой среды, иногда им интересен. И мы все понимаем, что у нас много общего. А именно, мы — поколения одного исторического времени в Исторической России.

Не всегда откладывается в памяти знакомство с некоторыми людьми. Здесь два рассказчика прекрасно дополняют друг друга...

И. Г. Сухарев

СОСЕДИ



Начало знакомства в моей памяти почему-то прочно ассоциируется с давно уж покойным С.А. Ислентьевым. Что весьма странно, так как вместе их ни разу не видел и от Сергея Алексеевича никогда не слышал о Монахове. Здесь следует прояснить весьма кратко, что дружба моя с С.А. Ислентьевым завершилась в 1992 году после эпизода со свиноводческим хозяйством и затем скандала с приватизацией гостиниц, но знакомство мы поддерживали и я с интересом наблюдал за его президентством в футбольном клубе «Сokol», инициативой по учреждению регионального отделения партии «Единство», альтернативного аксёненско-мирошинскому, и прочими авантюрами, весьма разнообразными и схожими лишь в одном – в результате, отличном от намеченного изначально.

Наблюдал принципиально со стороны, и лишь однажды дал согласие на участие в учреждении одной из организаций. Потому что цель её была благородной, некоммерческой и после тщательного размышления подставы нигде не просматривались. Там-то, в президиуме мы и познакомились... нет, не с Сергеем Юрьевичем, а с Эдуардом Николаевичем Абросимовым. Впрочем, тогда знакомство быстро прекратилось вместе с деятельностью той самой организации, к счастью, без скандала и без прочих неблагоприятных последствий. Чуть позже в течение ряда лет в начале 2000-х Э.Н. Абросимов курировал газету «Земское обозрение» в качестве советника губернатора.

Общаться с С. Ю. Монаховым мы начали с подачи моего старого товарища В. А. Митрохина, когда они волею судьбы некоторое время жили в соседних квартирах общежития СГУ на улице Вольской, а я обитал в доме неподалёку.

Частенько мы встречались в комнате-библиотеке Сергея Юрьевича и вели неспешные беседы на археологические, исторические и вообще любые темы. Там я узнал много нового для себя об амфорах древности и практике современной мировой археологии. Там я приобщился к курению хорошего табака, сначала трубочного, а затем и в самокрутках. Там узнал, что Э. Н. Абросимов – его ученик, успешно занимался античной археологией в лаборатории СГУ и многочисленных экспедициях. Соответственно, и о контактах с С. А. Ислентьевым. Они были непродолжительными и, как мне представляется, составили малозначительный эпизод в многотрудной деятельности Сергея Юрьевича, так почему же так долго о них рассказываю?

Один со студенчества специализируется по избранной теме, последовательно проходя ступени научной, преподавательской и вузовской карьеры в одном и том же учреждении, а другой отучился на истфаке СГУ один год и сменил множество профессий и сфер занятий, иногда самых неожиданных. Один целеустремлён и последователен в достижении целей, упорно, иногда жёстко реализует поставленные перед собой задачи, а другой затевал множество проектов с неоднозначными результатами. Один – надёжен и верен слову, другого обстоятельства зачастую вынуждали менять приоритеты. Репутация одного тверда как скала и основана на оценках авторитетных учёных разных стран, о другом добрую память храним лишь мы, бывшие друзья и родственники.

То есть, контраст. Образ двух этих ярких деятелей в моём представлении прямо противоположен, поэтому именно краткое их взаимодействие немного оживляет традиционную и для многих привычную характеристику С. Ю. Монахова: зимой в кабинете за компьютером и летом в пыли веков на раскопках. Нет, не амфорами едиными...

Из выездов на природу больше всего запомнилась охота на сурков в июне 2013 года вместе с Николаем Николаевичем Пицыком. Погоды стояли чудные! Совсем не то, как зимой по оврагам кабанов гонять или осенью по болотинам уток высиживать. Легко, без напряжения покатались, обустроили пикник в тени кустов, покушали без фанатизма и в один день без ночёвки обернулись. Душевно отдохнули! Впрочем, как неоднократно и до, и после, и, надеюсь, ещё неоднократно.

Даже геофизики не остаются равнодушными к нашему дорогому юбиляру. После случайного знакомства Павел Николаевич проникся настоящей любовью к науке археологии, участвовал в экспедициях, проводил геофизические исследования на памятниках. У двух профессоров даже вышла совместная статья...

П. Н. Александров

МАЛАХОВКУ – В МОНАХОВКУ!



После посещения Сергеем Юрьевичем Монаховым поселка Малаховка, жители единогласно проголосовали за переименование Малаховки в Монаховку, и постановили установить у «барыги профессора» на даче памятный знак в форме амфоры с тем, чтобы любой проходящий мог бросить в нее монетку и тем самым выразить свое восхищение знаменитым великим Человеком, посетившим эти места.

Местные жители передают из уст в уста это событие, некоторые посвящают стихи и песни. Барыга профессор тоже не остался в стороне.

Вот его наивные стихи.

Как будто дев лаская
Древний мастер
Создал мастер амфору свою

Создав прекрасное творенье
Как легкий стан девиц прелестных
Наполняются вином и маслом – содержанием
Как переплетаются сердца, когда наполняется душа
И опустошивши, разбиваются на черепки, на части
Как разбиваются сердца, когда опустошается душа

Это не случайно и не как-то,
Не благодаря ничьим дарам,
Из осколков древних артефактов
Наш Монахов амфоры собрал.

И я в том кувшине осколок малый
И я осколок малый
В том кувшине нахожусь
И этим я горжусь, горжусь, горжусь!

Много экспедиций за плечами –
Крым, Причерноморье, Нижний Дон;
Всё это руками, не речами
Добывалось. Много лет влюблён

Юбиляр наш в битые сосуды
В бережных, заботливых руках
Вроде бы бесформенные груды
Оживают, а не терпят крах.

Так же и с людьми: осколки судеб,
Верных душ и преданных людей
Доктор склеивал, и дальше будет,
Под эгидой родственных идей.

Авторы не тлеющих шедевров
Чрез века его благодарят,
А Монахов на раскопках – первый
И его очередной отряд.

Больше в амфорах не возят вина,
И не запасают масло впрок...
Оживают древние картины,
Несмотря на очень давний срок.

Он и в отпуске, и в выходные
На природу высадит десант.
Увлечения ему родные –
Побродить с ружьишком по лесам;

Поблеснить на водоёме щуку,
Заварганить славную уху...
Это тоже нужная наука –
Распознать поближе, "who is who".

Верный друг (не может быть иначе),
Женщинами милыми любим,
Но античность без Сергея плачет,
Артефактам так уютно с ним.

Дай-то Бог, здоровье, время, силы
совершить открытий новых тьму,
И Земля подольше бы носила,
Амфор черепки даря ему!

Склеивает, собирает, лепит
Новой экспедиции отряд...
Ждут курганы, городища, склепы
Скованных невидимою цепью,
Во главе с Монаховым.
Виват!!!

Всегда интересно узнать, какое впечатление ты производишь на детей твоих друзей. Они растут на твоих глазах, формируются, взрослеют. У них уже собственные дети, но что они думают о тебе?

А. В. Великанова

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕРГЕЕ ЮРЬЕВИЧЕ...




В нашей жизни все переменчиво. Все течет, все изменяется. Парадигма нашего существования подвергается сомнению. Мы ищем вещи, которые были бы неизменными, стабильными, ищем привязанности. Вечное, доброе, светлое. Ищем каноны, образцы для подражания, поддержку и уверенность в завтрашнем дне. Изредка находим. В том числе в людях, которые рядом, среди нас.

Без сомнения, для меня одним из таких людей является профессор Сергей Юрьевич Монахов, много лет являющийся товарищем, коллегой, поддержкой моему отцу, Митрохину В. А. Монументальный, стабильный и целостный. Именно эти качества притягивают.

Следствием этой целостности является то пространство, которое создает вокруг себя этот удивительный по формальным и неформальным качествам человек. Самоотдача в работе. Неизменная приверженность делу. Последовательное достижение цели. Много ли можно назвать подобных людей? Много ли из них достигли признания мирового уровня?

Поделюсь интуитивным ощущением, полученным мной при общении с Сергеем Юрьевичем.

Образу отца всегда уделяется в литературе небольшое внимание, по сравнению с образом матери. Какой должна и не должна быть мать, можно написать



сочинение в нескольких томах. Но, если задаться вопросом, какой он, архетип отца, как должен выглядеть, чем заниматься, то с образом Сергея Юрьевича найдется много совпадений. Вы всегда сможете прийти в его «пещеру» и увидеть, что он сосредоточен на любимом деле. Уж точно в вашем сознании он сохранится навсегда. Неизменны его фанатичность, занятость и приверженность идеям. Он ответственен, строг, пунктуален. Физически рядом его может и не быть. Несмотря на это, он находится рядом морально, даже если живет на другом конце света. Эмоционален, когда дело касается вас.

Качества, которые нельзя не заметить в Сергее Юрьевиче это яркая внешность, харизма и любовь к противоположному полу. Они наделяют его сильной энергетикой. Это было бы не так выражено, если бы не прекрасные физические данные и способность поддерживать себя в форме. Вместе с этим уживается его эмпатичность к собеседнику и способность поддерживать разговор на любую тему, и живо интересоваться вашими темами при общении.

Что же касается профессиональных вопросов, здесь у Сергея Юрьевича можно черпать энциклопедические знания и, без сомнения, находятся люди, готовые перенять их и стать соратниками и фанатичными продолжателями его дела.

Пожелаю Вам, Сергей Юрьевич продолжать свой творческий путь, направлять других, получать максимум от жизни. Несомненно, Ваше воплощение в этой жизни является значимым и может быть примером для многих.

Что не говори, а студенческие годы – лучшие в жизни. Особенно если они активны и не сводятся к простому сидению за партой или за столом научной библиотеки...

А. А. Савинов

ПОТЕШНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЦАРСКОЙ ЖИЗНИ



[Исторический факультет СГУ. 2001 год]

Мое знакомство с С.Ю. произошло в далеком 2001 году, когда я оказался на первом курсе исторического факультета. Наш поток был на редкость большой и один из основных лекционных курсов, «История древней Греции» читался параллельными частями: одну – профессор В.И.Кашеев, другую – профессор С.Ю.Монахов. Лекции Монахова проходили в 308 аудитории X корпуса, и запомнились они двумя сюжетами. Первый вполне заурядный: после того как С.Ю. заходил, он закрывал дверь на ключ, в случае когда замок не работал (а такое бывало частенько), запирали стулом. Опоздавшие студенты коротали время до следующей пары в коридоре. Второй сюжет более примечательный: С.Ю. не любил, чтобы на столе во время лекции лежали посторонние предметы, объяснял же это следующим: большую часть исследований он проводил дома и чаще всего на кухне, поэтому грязная посуда в раковине или не нужная утварь на столе приводили его в раздражение, и заставляли перед тем, как заняться статьей или частью монографии, сначала вымыть сковороду или убрать батон в хлебницу.

Суровость, но справедливость С.Ю. на себе ощутил на экзамене. В те далекие времена еще не было январских каникул, и сдавать пришлось 2 января. Не

нужно объяснять какие чувства переполняют гражданина государства российского в это время, но экзамен есть экзамен. Помню, отвечал я весьма паршиво, между тройкой и четверкой, но ближе к тройке. С. Ю. тоже находился в некоторых противоречиях относительно первой оценки в моей зачетной книжке. И тогда прозвучал последний вопрос: «В каком году Сократ выпил чашу с ядом?»; – «В 399 г. до н.э.» ответил я, и счастливый, с четверкой в зачетке, отправился праздновать дальше.

[Экспедиция Фанагория. 2004 год]

В рамках одной экспедиции с С. Ю. мы столкнулись в 2004 году в Фанагории, я был поражен, как много времени он проводит на камералке, разбирая новый материал с «Верхнего города» или с некрополя. Даже в самые жаркие часы, когда находиться на солнце было просто невыносимо, С. Ю. инспектировал группу, занимавшуюся чертежами находок. Тем более удивительно было, что даже после ужина работа не останавливалась и можно было услышать звонкие споры Каца и Монахова. Существует расхожее мнение, что в споре рождается истина. За те неполные 3 недели, что я был в Фанагории, истины этими учеными мужами было произведено на свет предостаточно.

[Экспедиция Береговой-4. 2008 год]

Огромная экспедиция: школьники и студенты, сбежавшие от пап и мам, безумные в своей вседозволенности. Как-то под вечер Монахов, прогуливаясь после ужина, подходит ко мне и спрашивает, заметил ли я что-нибудь странное в старших школьниках. Конечно же, я уставший от их никчемности на раскопе, говорю, что не заметил и пытаюсь убедить его, что это самые заурядные представители молодежи. С. Ю. сказал, что может быть, но он так не думает.

Глубокой ночью, в тиши лагеря наша группа сидела вокруг изящного фонаря и, конечно же, выпивала, обсуждая различные казусы последней недели раскопок. Из тьмы появилась фигура С. Ю. и призвала меня следовать за ним. Недовольство мое границ не знало: вечер субботы, последнего рабочего дня недели, и снова нужно приглядывать за проклятыми московскими школьниками. Монахов сказал, что это ненадолго и скоро я вернусь обратно. Мы прошли в оба конца лагеря, и дозор был почти завершен, как С. Ю. заметил пару невзрачных огоньков в стороне от лагеря. Честно сказать, я и не уделил внимание данному событию и, как впоследствии выяснилось, напрасно. В небольшом отдалении от кухни, непосредственно в стогу знойно сухого сена сидели трое старших столичных школьников. Две барышни и юноша выпивали, и что ужаснее, курили. У девиц

мерцали сигареты, а вот паренек браво щеголял вересковой трубкой. И все бы ничего, только вот в 10 метрах от этого самого стога, буквально через дорогу, находилось огромное поле яровой ржи, которую со дня на день местные колхозники намеревались убирать. Пожалуй, я не стану цитировать текст, который произвольно озвучил Монахов, только скажу, что молодежь весьма проворно растворилась в темноте экспедиционного лагеря. Также удивительным оказался тот факт, что ни разу более подобных ситуаций не повторилось и после отбоя ненаглядные московские школьники либо мирно спали у себя в палатках, либо пели песни и выпивали на берегу (на санитарном расстоянии от драгоценного поля), а уже потом не менее мирно спали у себя в палатках. Вот такая вот прозорливость и убедительность.

[Экспедиция Тамань-3. 2015 год]

Очередной жаркий год на Тамани. Иногда движение воздуха останавливалось, появлялись миражи. Работу нередко приходилось сворачивать раньше положенного. Экспедиционный лагерь располагался на берегу залива, это было удобно по многим причинам, в том числе и из-за рыбалки, которая по чуткому указанию местного рыбака, чаще всего начиналась после ужина. Монахов подходил, и мы отправлялись, в буквальном смысле, в закат. Самое интересное происходило, конечно, наутро, ведь нужно же было еще достать, что там за ночь поймалось. Рыбы было немного, и энтузиазм С.Ю. сходил на минимум. Однако справедливости ради стоит сказать, что несколько раз улова было с избытком и практиканты лакомились настоящей ухой из морской рыбы.

Местный рыбак оставил в тот год нам одного из своих псов. Статный, хоть и немолодой зверь был хорошим другом и незаменимым помощником. Буквально с первых дней они с С.Ю. нашли общий язык. «Каштан», а именно так звали четвероногого, очень привязался к Монахову. У них даже сложился ритуал, когда С.Ю. угощал приятеля разными лакомствами, а тот приветливо лаял в ответ.

А лакомства были и впрямь диковинные. Каждый день профессор выезжал в окрестные села за продуктами для экспедиции. Народа в лагере много и кормить его надо постоянно. Поездки эти большей частью рутинная, однако необходимая. И даже в минуты далекие от продуктивной работы, Монахов умел провести с пользой: после основной части закупок овощей, С.Ю. заглядывал в местный продуктовый магазин и приобретал различные деликатесы, такие как сало, деревенская колбаса или свиные уши, а так же прочие вкусные разности: и закуска отменная и Каштан повизгивает от восторга.

Когда проводишь с человеком (да ещё с таким) практически всё время жизни, то очень трудно сказать о нём что-либо в формате данного издания. Получается слишком много. Но одну из многих черт личности юбиляра приоткрывает близкий соратник.

Е. В. Кузнецова

ПУТЕВОЙ МОНАХОВ



Не секрет, что рачительные хозяева довольно часто украшают стены своего жилища всевозможными картинами, плакатами, календарями и прочими мелочами, призванными добавить красок в окружающий мир, освежить поднадоевшие обои, напомнить о приятных и знаковых событиях или... просто прикрыть дыру в стене.

Родителям нашего дорогого юбиляра не чужды были житейские хлопоты и в один, несомненно, прекрасный день, в комнате будущего профессора, а пока ещё ученика средней школы, появилась географическая карта. Юный герой с воодушевлением погрузился в детальное её изучение и вскоре, по его заверениям, мог назвать столицы всех государств, существовавших на тот момент на политической карте планеты. Демонстрируемые им познания в области географии не позволяют сомневаться в том, что так оно и было на самом деле. Доподлинно неизвестно, сия карта ли будоражила воображение молодого человека, пробуждая в нём дух авантюризма и страсть к путешествиям, или к этому причастен свободолюбивый зов крови прабабушки черкешенки и донских казаков, манящий в новые места, к открытию новых горизонтов... Как бы там ни было, а домоседом Сергея Юрьевича точно не назовешь. Всевозможные разъезды (будь то непродолжительные

рыбалка или охота, археологические разведки или экспедиции, поездки на конференции, в архивы или музеи) занимают огромную часть его жизни.

Нигде так не открывается человек, как в дороге, вдали (или не очень) от дома. Учитывая, что последние несколько лет наш коллектив (в составе юбиляра, Чурековой Наталии, вашей покорной слуги и периодически присоединяющегося к нам водителя – Дмитрия) проводит практически все рабочие поездки совместно, оставить без внимания эту сферу жизни С.Ю. не представляется возможным. Конечно, за рамками небольшого повествования останутся увлекательные велосипедные поездки Каца и Монахова с Панского в Ольвию, перелеты на «кукурузнике» по Крыму, водные прогулки на «Ракете» из Одессы в Севастополь, зарубежные турне и многое-многое другое, непосредственным свидетелем и участником чего я не являлась.

Как человек системный и основательный Сергей Юрьевич придаёт наиважнейшее значение первому этапу любого мероприятия – сборам. За несколько дней до времени *X* начинается складывание «в кучку» всего, что может понадобиться в поездке. Размер «кучки» имеет прямую зависимость от продолжительности и важности запланированного, а также вида предполагаемого транспорта. Поездка на машине автоматически делает количество необходимых вещей практически неисчислимым. Предпринимавшиеся на заре совместных путешествий попытки уменьшить объемы нужного, на корню убивались фразой – «Пригодится!», сопровождаемой грозным сверканием глаз. И постепенно мы смирились с неизбежным. Следует все же признать, что подобная запасливость Сергея Юрьевича не раз нас выручала. А, уж положив руку на сердце, частенько мы надеемся именно на это.

Ещё одним проявлением системности является пунктуальность, отличающая нашего юбиляра. Не припомню ни одного случая, чтобы он куда-то опоздал. Именно поэтому мы прибываем на вокзал минут за 40 до отхода поезда... Да и к музею, как правило, приходим за полчаса до открытия. Вдруг сотрудники придут раньше на работу, а нас нет!

Каждый знает, что тяготы дороги, особенно дальней, легче переносятся, когда рядом хороший собеседник. Не одну сотню километров преодолели мы под истории и рассказы Сергея Юрьевича на совершенно разные темы: воспоминания и случаи из жизни; биографические справки об исторических личностях, ученых или актерах; сюжеты книг; особенности мест, которые проезжаем или в которые направляемся; охотничьи байки и т.д. и т.п.

Во время автомобильных путешествий в эпоху бумажных атласов автомобильных дорог Монахов играл очень важную и ответственную роль штурмана, прокладывающего маршрут и следящего за неукоснительным следованием по нему. Надо сказать, что он блестяще справлялся с возложенной на него им же самим функцией. И только после появления навигаторов в наших смартфонах мы поняли, что не один десяток километров был лишним. Быть может штурман просто хотел расширить наш кругозор и показать больше мест?

В поездках юбиляр иногда проявляет чрезвычайную заботу. Юра Пинчук до сих пор вспоминает их ночлег где-то в дороге, когда с вечера поступило распоряжение «Спим до сколько хотим», а в пять утра столь же бодрый голос скомандовал: «Подъем! Чайник уже закипел!» Нечто подобное пришлось пережить и нам. Правда, не в дороге, а в разведках, на Хопре. Первые робкие лучи майского солнца еще только начали растапливать на нашей палатке (да и практически на нас самих) иней, только мы под этими самыми лучами пригрелись и уснули, как раздался знакомый слегка хриплый и требовательный голос – «Девки, вставайте, я вам кофе принес!». И ведь принес же! Смею уверить, что в тот момент я не вполне могла оценить подобный добрый порыв.

Самыми продолжительными и запоминающимися были две поездки на машине. В 2008 г. (когда за рулем была Наталия) С.Ю. провёз нас по основным археологическим памятникам Северного Причерноморья, включая Таманский полуостров, Азовское побережье Крыма, Херсонес, полуостров Тарханкут, Ольвию с Березанью и многое другое, будучи абсолютно убежденным, что нельзя заниматься историей региона и ни разу там не побывать, не посмотреть своими глазами. Хорошо запомнилась фраза Наталии: «Если бы я видела это раньше, моя диссертация была бы совсем другой!» Именно в той поездке, где-то в степях Днепропетровской области по дороге на Александропольский курган мы узнали, что Сергей Юрьевич в очередной раз стал дедушкой – 14 августа родилась Анфиса.

Вторая поездка состоялась в 2010 году в расширенном составе. К нам присоединился В.И.Кац, а за рулем УАЗа-«буханки»(!) уже был Дмитрий. Все, кто хотя бы раз видел манеру общения двух «монстров» – Каца и Монахова – могут себе примерно представить, сколь зажигательным было это путешествие! Тогда мы доехали до Тирасполя (Приднестровье). На обратный путь выпал мой день рождения. Заранее был разработан прекрасный план об остановке на ночлег в крепости Тирь, в Белгороде-Днестровском. Однако по воле предводителя, по одному ему из


вестной причине, план был изменен, и мы искали ночлег в пригороде, что оказалось практически неразрешимой задачей. После долгих мытарств, на ночлег мы встали на одном из каналов, в высоченных камышах, без нормального доступа к воде, а праздничный ужин прошел под полотенцами в попытках спастись от невероятно злых и голодных комаров! Незабываемо! (ещё одну историю про «дивное место» читайте у Ю. С. Пинчука). Однако, по мнению В. И. Каца, Сергей Юрьевич не любит экстремальных условий (см. заметку В. И. Каца в этом сборнике). Но нам и этого с лихвой хватает.

С. Ю. действительно абсолютно непривередлив ни к условиям проживания, ни (что очень важно!) к еде. Ни разу мы не слышали недовольных высказываний по этому поводу. Все испытания и неудобства С. Ю. переносит стоически и воспринимает как данность. Лишь иногда, спустя часов 10–12 дороги, он может пожаловаться, что начала ныть спина. В такие минуты думаешь, будет ли у тебя через 30 лет хотя бы желание выйти из дома...

Невозможно промолчать про незаменимость нашего попутчика в процессе приготовления еды. Почистить овощи – «Пожалуйста!», порезать зелень – «Да с удовольствием». А в разведках он и вовсе часто остается за повара, пока все уходят на маршрут или на шурф. Щедрость и широта души проявляются в этом процессе во всей красоте. Поглядывая на уплетающих за обе щеки обед коллег, С. Ю., посмеиваясь в усы, с удовольствием рассказывает, что изначально планировал приготовить борщ, а не овощное рагу...

Стоит упомянуть и еще одну черту Монахова-путешественника. Он великолепно ориентируется в пространстве, будь это извилистые улочки Афин, прихонерские леса или голая степь в пасмурный день. Я, как человек, страдающий какой-то из степеней топографического кретинизма, не перестаю этому удивляться. Кроме того, он обладает удивительной памятью на архитектурные особенности и детали. Во время недавней поездки в Краснодар, по дороге в музей, С. Ю. отметил, что мы по этой улице ездили 2 года назад. Мы с Наташей начали выглядывать в окна автомобиля, безуспешно пытаясь узнать место. На что услышали укориженную фразу «Как можно было не запомнить этот дом с контрфорсом?!».

При всей своей любви к путешествиям, С. Ю. всегда скучает по дому, в особенности по родному кабинету в Институте. Все поездки проходят под грифом скорейшего возвращения к рабочему компьютеру. Едва отъехав от Саратова, мы начинаем обсуждать планы на после возвращения. Сногшибательная энергетика



не дает покоя ни ее обладателю, ни окружающим. Лишь в редкие дни кровь донских казаков успокаивается, душа перестаёт рваться дальше, к новым непокоренным вершинам. Тогда, сидя на берегу (Таманского залива, Хопра или Медведицы – не имеет значения), провожая последние лучи уходящего дня, Сергей Юрьевич подолгу молчит, попыхивая сигаретой, о чем-то размышляя, не реагируя на негромкие разговоры окружающих. Потом слышен глубокий вздох и тихий задумчивый голос «А может это и есть счастье?»

От всего сердца желаю юбиляру как можно больше путешествий, коротких и продолжительных, хороших и замечательных, близких и далеких! И, главное, не утратить умения распознавать счастье!

Сергей Юрьевич часто сетует на то, что у него мало учеников. Конечно, в первую очередь он имеет в виду научное поприще. Но стоит оглянуться, может быть, они есть в других сферах его жизни? Несколько слов об этом.

Л. В. Ланник

СПАСИБО ВАМ, СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ!



Около 20 лет назад без особенного на то желания Сергей Юрьевич очередной раз стал «археологическим отцом», в том числе и моим. Надо отдать ему должное: он всегда вызывал широкую гамму чувств и довольно часто – противоречивые эмоции. И по этому поводу сказать что-либо оригинальное столь же сложно, как и перещеголять друг друга в лю-

бом потоке юбилейных фраз. Однако неоригинальным, как правило, является все действительно ценное в нашей жизни, включая чувство благодарности, в котором я хотел бы заверить юбиляра вне зависимости от того, будет ли он читать эти строки с рюмкой или без.

Как и положено «многодетному» археологу, Сергей Юрьевич часто путает несущественные детали биографий своих питомцев, особенно тех из них, что смогли – чудом или стечением обстоятельств – уклониться от перехода в профессиональную стадию увлечения, которое он способен привить любому, кто чего-нибудь да стоит. И все же я позволю себе в сотый раз напомнить, – для исторической полноты картины, – что первичным фоном к восприятию еще неизвестно-

го мне тогда деятеля античной археологии стали рассказы о нем его дочери, с которой мы коротали время на парах по английскому. Я их слушал без особого внимания, ведь всякая нормальная дочь будет рассказывать об отце только хорошее, хотя Наташа искренне старалась не перехвалять.

Лекции Сергея Юрьевича последовали чуть позже, они мне неожиданно понравились. Главным образом тем, что в них была уверенность в предположениях и минимум занудства; они заставляли воображать увлекательные картины громадных древних поселений, что для моих 17-ти лет было весьма важным достоинством. Другие и весомые плюсы этого курса – «История античного города» – я тогда был способен только смутно подозревать. И все же что-то такое в этом было: то ли в рассказах Наташиных, то ли в речах Сергея Юрьевича, так что я без колебаний записался в экспедицию именно к нему, не в Поволжье, куда давно звали бывалые сокурсники, и не к Смыкову, получившему самые лестные рекомендации моих старших товарищей.

Описывать первую экспедицию в деталях нет смысла, скажу лишь, что она была именно такой, чтобы у нее не было ни малейшего шанса стать последней. По итогам 3 недель ежедневного наблюдения за Монаховым (и наоборот) я сделал для себя важнейшие выводы: 1) что этому делу действительно можно отдать жизнь, 2) что мне ни в коем случае не следует поддаваться этому сильнейшему искушению, ведь харизма юбиляра оказалась тогда неотразимой для некоторых моих друзей, сделавших только первый из указанных выше двух выводов. Будь у мироздания чуть более примитивные или менее строгие законы, на этом мои отношения с античной археологией и тем более с С.Ю. и закончились бы. Но уж так получилось – без необходимых к тому усилий, – что я оказался на кафедре истории древнего мира, где к счастью и очень полезно провел еще 4 года под разной степенью благосклонности периодическими взглядами моего «археологического отца».

Перечислять отдельные эпизоды тех в высшей степени насыщенных и по своему замечательных лет опять-таки бессмысленно. Достаточно того, что именно они вспоминаются в окружении С.Ю. чуть-чуть чаще всех остальных анализируемых периодов, считая с начала 1970-х гг. За первой половиной 2000-х последовало аспирантство, глубинный смысл динамики которого мне – как и многое другое – юбиляр-проректор открыл как бы между прочим: «...У тебя какой год аспирантуры-то? Аааа... Первый... Так это ты сейчас еще не делаешь ничего...». Этот совет я уже умел оценить и им вполне воспользовался. Собрав всю отпу-

ценную мне иронию и задор, я продолжал упорно ездить не к Монахову, хотя всегда искал случая засвидетельствовать ему свое почтение в полевых условиях.

Смысл его рассказов теперь всегда выслушивался крайне внимательно, да и практическая их ценность тоже – как казалось – улавливалась чуть ли не в полной мере. Впоследствии выяснилось, что значительной части изрекаемого С. Ю. мы, его слушатели, очередной раз не угли или приписали его чувству юмора. И все же помочь ему, если попросит, всегда было наградой, которой еще не всякого удостоят.

Как и положено крупной личности, С. Ю. не тратит время на то, чтобы отслеживать судьбы всех тех, кто ему действительно обязан, не считая своих ближайших соратников, которые каждый день попадаются ему на глаза. И это хорошо, ведь позволяет ему с неизменным интересом и радушием осведомляться о новостях у тех, кто предосудительно давно к нему не заходил.

Когда представилась возможность (и, надеюсь, еще представится) побывать в экспедиции у юбиляра не только в гостях, сразу же стало заметно главное: что в ней сохраняются опоры, неподвластные многочисленным мелким и крупным неприятностям на ниве отечественной археологии, включая сам бег времени. И это то, что по-прежнему не способны оценить впервые приехавшие к Монахову, и это то, что он по-прежнему, а то и более великодушно, чем прежде, прощает им по молодости их и все более трогательной глупости.

Как Лев, да еще и Дракон, – что было явлено на археологической практике 2002-го, да и любого из годов незамедлительно, – Сергей Юрьевич умеет гордиться и (наверное...) никогда не отказывает окружающим в доказательствах самоиронии. Это уже очень много, безотносительно более зримых или материально ощущаемых его заслуг, которые – по природе жанра юбилейных речей – будут перечислены не раз и на самом высоком профессиональном уровне.

Юбиляр не просто определил течение жизни целого ряда людей, но и подарил нечто важное каждому из тех сотен или, точнее, тысяч «монаховских», которых он с таким трудом вспоминает при случае. Он может себе это позволить, как и многое другое. Моя же благодарность не исчерпывается простым сознанием того, что он открыл мне единственный до сих пор вид отпуска, который не вызывает ощущения бесцельно потраченного времени. И пусть не все советы и анекдоты удалось правильно понять, даже того, что было за 20 лет усвоено, хватит, чтобы не выдержат и попытаться сказать это многословное «спасибо», которое, как известно, работу по определению «протофасоса» не заменит...

Спасибо Вам, Сергей Юрьевич!

Как похожи воспоминания студентов и, в то же время, насколько они отличаются!

Ю. С. Пинчук

IV ПЯТИЛЕТКА ЗНАКОМСТВА С С.Ю. МОНАХОВЫМ



Как и у многих, кто напишет свои очерки и рассказы в этой книге, знакомство с Сергеем Юрьевичем связано с историческим факультетом Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

В 2005 году я поступил на первый курс истфака. Во втором семестре началась дисциплина «История города». Её и преподавал профессор С. Ю. Монахов, тогда еще и проректор по развитию университетского комплекса.

На одном из первых занятий Сергей Юрьевич рассказал о предстоящей археологической практике и о возможности пройти ее в составе экспедиции под его руководством, да еще и на Черном море. Поток у нас был большой, на первом курсе обучалось более ста человек. Конечно, многие хотели поехать в экспедицию. На очередной лекции Сергей Юрьевич объявил об организационном собрании и ознакомил нас с условиями отбора. Пропускать собрания было нельзя, нужно было приходиться в назначенный день, отмечаться, слушать небольшую лекцию и знакомиться с дополнительной литературой. Каждый раз С. Ю. Монахов доставал блокнот и вычеркивал кандидатов. Если на первой встрече было более сорока человек, то к концу мая в списке осталось около двадцати пяти. Среди них был и я.

Несколько слов нужно сказать о самих занятиях, которые проводил Сергей Юрьевич. Они отличались четкой структурированностью, интересными и


запоминающимися примерами, рассказами об экспедиционном опыте и посещении каких-либо исторических мест. Спустя много лет, когда я уже занялся преподавательской деятельностью, поймал себя на мысли, что хочу, чтобы мои лекции были похожими на те, которые когда-то читал нам С. Ю. Монахов.

И вот! Наконец-то долгожданная поездка – археологическая практика, лето, море, костер... В экспедицию отправились на поезде, затем еще три часа от станции на автобусе, и мы уже в знаменитой Фаногории. Это была большая экспедиция, хорошо организованная. Сергей Юрьевич всегда уделял немало времени занятиям с первокурсниками, делился опытом, рассказывал об окрестностях и передавал практические знания.

Однажды он сообщил нам, что будет экскурсия. Мы собрались вокруг него, Сергей Юрьевич поинтересовался, все ли на месте, и дал команду «Побежали!». Это всех удивило, но мы побежали... Можно сказать, мне повезло больше всех, я долго занимался бегом и не отставал от бегущего впереди профессора. Периодически пробежка прекращалась, следовал рассказ о местности, древней крепости Фаногории, стенах и т.д., потом снова бегом. И так же назад в лагерь. Первая экспедиция оставила яркие впечатления и завязала дальнейшую дружбу с Сергеем Юрьевичем.

Время шло быстро, практика закончилась и пролетел второй курс. Студенческие годы – самое интересное время, особенно когда ты знакомишься с замечательными и талантливыми преподавателями исторического факультета СГУ. После второго курса я снова поехал в экспедицию, потом после третьего... И закончив университет, я участвовал в экспедициях с Сергеем Юрьевичем.

С этими поездками связано много историй, всегда всплывающих в памяти. Например, однажды, проехав город Сальск, мы остановились на ночлег у пруда. Профессор назвал этот пруд «Дивным местом». Ночью прошел сильнейший дождь, дорога раскисла и вырваться из «Дивного места» стало целым испытанием. Несколько экспедиционных историй связано с ранним подъемом. Сергей Юрьевич мог рано подойти к палатке, дать задание, а я практически во сне обещал все сделать, но когда просыпался, ничего не помнил. Другая история, – однажды, был случай, мне удалось избежать ранней пробудки, потому что спал без очков и меня не узнали. Сергей Юрьевич тогда прокомментировал: «А я и думаю, кто это спит?».



Пребывание в экспедиции и общение с Сергеем Юрьевичем, конечно, во многом обогатило опыт. Юбиляр является отличным организатором, человеком, который может быстро принимать решения и расставлять приоритеты. Нужно отметить, что он отличный рассказчик, всегда люблю послушать какие-то истории, воспоминания, рассказы о нашем факультете и университете.

Вам, Сергей Юрьевич, очень повезло. Отличная работа, замечательный коллектив и признание. Признание вышло далеко за пределы университета и нашего региона. У Вас много учеников, причем не только в археологии и науке, а учеников по жизни. Мы все чему-то учимся у Вас и в чем-то хотим быть на Вас похожими.

Уверен, что впереди много новых открытий, побед и, конечно, полевых сезонов. Ведь такое замечательное ощущение, когда сидишь на берегу Таманского залива, волна, костер, и звезды так близко...

Спасибо за все! Ваш ученик.

Очень немногие берутся писать стихотворные поздравления. Немало оврагов и буераков на этом пути. Но зато сколько экспрессии!

О. Л. Габелко

**НАШ ЮРЬИЧ –
НА ГРЕБНЕ СОБЫТИЙ!**

Не надо ни охов, ни ахов:
Ведь знают о том даже дети,
Что наш Сергей Юрьич Монахов
Из Юрьичей – первый на свете!

Хоть Внуков с Сапрыкиным тоже
С ним общее что-то имеют –
Никто с ним сравниться не сможет,
Он прочих всех равных равнее!

В античности знатно подкован
И амфор исследовав тыщи,
«Коллеги» - зовёт мужиков он,
А женщин, с любовью – «дурищи»!

Наш Юрьич – на гребне событий!
В музеях всегда ему рады:
За множество громких открытий
Достоин быть сам экспонатом!

Под сенью таманских акаций
Ему, право, есть чем гордиться:
Потерян уж счет публикаций,
Но нету конца экспедиций!



Такой наделён он харизмой,
Что всем окружающим служит
Примером в науке и в жизни.
И был он, и будет нам нужен!

Пусть славного нашего друга
Поздравят все грады и веси,
Так пустим же чашу по кругу,
Чтоб здоров был он, молод и весел!

В науке ловил чтоб удачу,
С добычей являлся с охоты –
Да будет всё так, не иначе!
И – ХАЙРЕ на долгие годы!